

Рисунок М. ЖИВИЛО

Неуловимый ПРАЙД

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

1

Воздух с шипением наполнил надувные полости защитного комбинезона, и Леонид почувствовал, как натянулись привязные ремни.

— Вам удобно? — спросил тихий голос фоновостюарда.

Леонид шевельнул пальцами ног и локтями.

— Да, — сказал он и равнодушно подумал, что этот тихий вкрадчивый голос ему не нравится.

— Старайтесь думать о том, о чем вы обычно думаете перед сном, — посоветовал голос. — Какая степень альбастезии вам больше по вкусу?

— Четвертая, — сказал Леонид.

Фоновостюард напомнил:

— Но и первые три вполне обеспечивают выносливость к перегрузкам разгона, маневра и торможения.

— Четвертая, — категорично повторил Леонид.

Наступила зеленая тишина. Сквозь воздушные полости комбинезона ощущалась дрожь легкой вибрации.

«А действительно, — подумал Леонид, — о чем это я обычно думаю перед сном? Кроме Проекта, конечно?... И кроме Надии?»

Казалось, времени прошло совсем немного. Леонид вынырнул из темно-зеленого омута забытья. Вибрации не было. Леониду встать не хотелось, но он пересилил себя и поднялся.

— Планета необитаема, — предупредил голос. — Последние колонисты покинули ее в начале сезона.

Лязгнули механизмы люка, тяжелые плиты двойных дверей контейнера вывалились нару-

жу, оседая мостиком. В люк пахло смешанным ароматом трав, свежих яблок.

— Не забудьте свои рыболовные принадлежности, — напомнил голос. — Приятного отпуска.

Леонид взял на плечо рюкзак, сунул под мышку длинный чехол со спиннингами и еще раз сделал попытку себе уяснить, отчего ему не нравится этот голос. Не уяснил и, задев котелком за окраину люка, вышел наружу.

Леонид постоял, разглядывая залитую солнцем местность. Золотистое поле гречихи, дорога, которая огибала яблоневый сад. Деревушка с островерхими домиками.

В спину ударил вихрь нагретого воздуха. Громкий хлопок, Леонид обернулся. Там, где должен был находиться контейнер, ничего уже не было, кроме примятой травы. Леонид поднял голову кверху — в глубокой голубизне мирно таяла белая змейка инверсионного следа.

Он сел в траву и разулся. Один... Абсолютно один на безлюдной планете. Редчайшая, почти невозможная роскошь. Отпуск обещал быть приятным во всех отношениях.

Он шагнул, утопая по щиколотку в теплой дорожной пыли. Сад тянулся до поворота в деревню, ветви яблонь ломились от изобилия шафрановых плодов. Он сорвал несколько штук, бросил за пазуху. Одно яблоко надкусил — не столько для еды, сколько для того, чтобы полнее почувствовать яблочный запах. Солнце щедро освещало фруктовую плантацию, и все же сад казался угрюмым. Леонид невольно прислушался. Сад молчал, в

нем не было птиц. Странно было ощущать одиночество. Очень странно. Глобальное одиночество...

Похрустывая яблоком, Леонид прошел вдоль деревенской улицы. Двухэтажные дома, которые издали казались ему очень нарядными, смотрели поверх одичавших палисадников пустыми глазницами окон.

За деревней дорога забирала влево и терялась в холмах. Продираясь сквозь кустарник, Леонид, видимо, уклонился от нужного направления — шел довольно долго, а реки все не было. Кустарник высокий, но светлый, солнце пронизывало кружевную сеть ярко-зеленой листвы. Изредка Леонид останавливался на полянах. Его уже не радовала здешняя тишина — молчание зарослей невольно обращало на себя внимание. Ни насекомых, ни птиц. Что же, он хотел тишины, и он ее получил.

Впереди он заметил темно-зеленые верхушки леса, взял правее и скоро вышел к реке.

Это место сразу ему понравилось. Берег дикий и очень удобный. Прямо к воде спускался мягкий травяной ковер. На реке целый архипелаг довольно плоских островков с песчаными пляжами.

Через четверть часа шалаш был готов. Леонид покрыл его водонепроницаемой пленкой. Потом он натаскал сухих сучьев, расчистил место для костра и повесил на перекладину котелок с водой. Для уверенности, что уха состоится.

Ничто, кроме тучи, не предвещало ненастья. Солнце скрылось за вершинами холмов — тень от острова легла на протоку и вода у берега стала черной, хотя было еще довольно светло. Леонид взял синининг, сетку и подошел к береговой кромке. Неподальку торчал из воды огромный полузатоленный комель рогойди коряги. Леонид взобрался на комель. Взмахнул удилице. Блесна со свистом улетела в сторону острова.

Сильный рыбок изогнул удилице. Леонид спустил с катушки почти всю леску и, ощутив слабинку, дрожа от азарта и нетерпения, стал вываживать добычу.

Это была большая и неутомимая рыбина. Несколько раз Леонид подтаскивал рыбину к самой коряге, видел, как она мечется в глущине, но каждый раз, опасаясь, что рыба сорвется в последний момент, спускал натянутую леску.

Увлеченный борьбой, он не сразу заметил, что цветовая гамма вечернего освещения несколько усложнилась. Лазоревые краски, отражавшиеся в зеркале воды, быстро меркли, уступая место более яркому розовому свечению. Это свечение не могло быть отражением заката — солнце ушло за холмы высокого острова, но не успело спуститься за горизонт, и небо над плоскими островами еще отливало голубоватой эмалью. Виновницей неожиданного розового свечения была туча. Она приближалась, тяжелая, грозная, обведенная

по краю зловещей лиловой каймой. Ветра не было, по-прежнему стояла тишина.

Леонид, наконец, справился с рыбиной, поднял опущенную сетку, затянул горловину шнуром. В сетке вспыхнули два голубых фонаря. Несколько этим озадаченный, Леонид тронул добычу рукой и, получив сильнейший электрический удар, свернулся с коряги на мелководе. Он выловил сетку и оглушил рыбу ударом о сук. Голубые фонари утасли.

Среди разбросанных вещей Леонид рыскал большой нож со складным лезвием и пакет с зажигательными патронами. Свернув головку воспламенителя, он сунул патрон в кучу хвороста под котелком.

Спокойствие предгрозовых вечерних сумерек нарушил резкий щелкающий звук. Звук шел со стороны леса. Леонид взгляделся в темную чащобу и заметил созвездие крохотных огоньков. Огоньки забавно суетились, передвигаясь резвыми прыжками...

От костра повалил дым. Хворост источал приятный аромат сосновой смолы. Леонид подбросил в огонь несколько толстых сучьев и направился чистить рыбу.

Отполированная поверхность коряги заменяла разделочный стол. Соблюдая предосторожность, Леонид убедился, что рыба мертва, и вытряхнул ее из сетки. Сверкнув радугой боковых плавников, полумертвая рыбина шлепнулась на корягу. Она была очень похожа на земную форель. За исключением того, что на жаберных крышках нелепо торчали два матово-голубых нароста величиной с абрикос. Этакая электрическая форель...

Резкие щелкающие звуки опять заставили обратить на себя внимание. В лиловом сумраке густые кроны деревьев сливались в сплошную темную массу, и там ничего не было видно, кроме светлых огоньков. Горсть огоньков сорвалась вниз и, лавируя в замедленном падении, стала приближаться. С приближением светлячков усиливалась странная трескотня, заинтригованный Леонид успел подумать, что это нацоминает треск кастаньет, и только он об этом подумал, как инстинктивно втянул голову в плечи и даже присел: над головой промелькнула большая черная тень. Иллюминированная огоньками. Тень снизилась над головой и, помахивая огромными перепончатыми крыльями, полетела в сторону острова. Леонид проводил ее взглядом. Весело пылал костер, глянцева поверхность пленки на шалаше отражала дрожащее пламя. А вокруг шалаша лежали, сидели, стояли пятнистые львы...

Незаметно для себя оказавшись по другую сторону коряги, Леонид произвел некоторый шум. Львы лениво повернули головы к реке. Он смотрел на них, они смотрели на него. Их было около десятка, этих больших пятнистых львов с красноватыми гривами, — целый прайд, по-хозяйски расположившийся по берегу. Жаркий костер и растерянный человек,

стоявший в воде, как видно, производили на зверей слабое впечатление. Львы сохраняли относительную неподвижность и будто ждали чего-то.

Блеснула первая зарница, с бархатным дождем проворчал гром. Сразу стало темнее. Лес огласился жуткими воплями, треском, гуканьем, свистом и расцвел букетами фосфорических огней. Изредка в темных глубинах чащобы вознякали и угасали сполохи голубого свечения, ярко вспыхивали разноцветные фонари. Сказочный, необыкновенный пейзаж... Но пейзаж портили львы. Хотя львы тоже не были обыкновенными. Когда самый рослый из них — очевидно, вожак прайда — приблизился к береговой кромке и, шумно дыша, стал лаять воду, Леонид получил не обязательную для себя возможность рассмотреть зверя вблизи. Грива была не очень густая, на темени зверя беспокойно опалесцировали полусферические наросты, обраченные мерцающими выпуклостями вперед.

Утолив жажду, вожак прошел по мелководью к самой кромке. Леонид следил за его приближением. Зверь выбрал сук потолще и стал чесаться об него, довольно урча. Коряга заколебалась, побежали кругами мелкие волны. Леонид потянулся, перекинул нож из левой руки в правую. Лев холодно взглянул на человека большими, плоскими, как у совы, глазами, отвернулся и вышел на берег.

Оставленный без присмотра прайд ревнелся. Две молодые львицы, кружась и приседая на задние лапы, с рычанием вырывали друг у друга рюкзак. Молодые самки были заняты спальным мешком. Потом один из молодых вошел в шалаш и, очевидно, из чистой любознательности стал искать выход там, где его не было. Хрусткое сооружение распалось, а сам исследователь, накрытый пленкой, испуганно заметался в кругу собратьев. Пожилой лев-ретроград во имя спокойствия поставил на место зарвавшегося юнца увесистой оплеухой. Вожак раздраженно напряг спину, пригнул к траве тяжелую голову и огласил окрестности таким могучим рыком, что лес на несколько мгновений притих.

Прайд тоже притих. Леонид машинально пересчитал всех членов львиного сообщества, почему-то заранее ожидая, что их — девять. Львов было действительно девять... Вожак повернул голову к берегу, коротко рыкнул и возник голубые лучи своих фонарей в сгустившийся сумрак. Прайд завыл. Лес ответил печальными воплями. Львы потянулись к береговой кромке, освещая пространство вспышками фонарей. Леонид с сомнением посмотрел на черную воду, взял нож в зубы и поплыл в сторону острова. Не оглядываясь, знал, что львы спрыгнули в воду и плывут следом. Слышалось возбужденное фыркание, голубые лучи фонарей тонули в судорожных мельканиях небесных зарниц.

Положение было, мягко выражаясь, опасным. Точнее — очень опасным. Еще точнее —

просто критическим. Отпуск, уха у костра!.. Ведь это только вообразить себе: отпуск в электрических джунглях планеты Чантар!.. Но кто виноват? Надо было раньше догадаться, что это — Чантар.

— Разгон окончен, — внятно сказал тихий голос. — Альбастезию снимаю. Надеюсь, вам было удобно, и вы безболезненно перенесли перегрузки?..

Леонид обдалеко повел глазами, шевельнул онемевшими пальцами рук. От запястий к плечам распространилась волна щекотливо-колючей боли.

Фоностюард настаивал:

— Надеюсь, вам было удобно?

— Да, — сказал Леонид, — спасибо.

Это нужно было сказать. Если ответа не будет, автомат поднимет на ноги всех стюардесс и медиков на борту «Ариадны».

— Лежите спокойно и ждите звонка.

Леонид оглядел розовый эллипсоид каюты. Сначала он не хотел прислушиваться к своим ощущениям. Потом прислушался и удивился: растерянность улеглась на этот раз быстро.

Включили музыку. Леонид потянулся, насколько это позволила раздутая оболочка комбинезона. Оцененение прошло. Хотелось встать, однако придется еще полежать — замки привязных ремней отпустят не раньше, чем прозвучит звонок. Было такое полезное правило: держать пассажиров «на привязи», пока экипаж проверяет исправность систем жизнеобеспечения корабля. После длительных перегрузок предосторожность не лишняя.

— Уберите, пожалуйста, звук! — не выдержал Леонид. — Будьте любезны.

Музыка смолкла. Очень милый девичий голос вежливо извинился:

— Простите, наша обязанность... Всего вам приятного.

— Будьте здоровы.

— Благодарю вас. Если что-нибудь понадобится, вызывайте.

— Спасибо... Кстати, как вас зовут?

— Кариола.

— Позвольте задать вам два-три вопроса, милая Кариола?

— Я внимательно слушаю вас.

— Вы случайно не знаете, что такое Чантар?

— Чантар?.. Кажется, это название дерева. Но я не уверена.

— Ясно, — сказал Леонид. — Зумма, Куласс, Амбатарес... Эти слова ничего вам не говорят?

— Нет... Я впервые их слышу. Но я могу навести для вас справки.

— Не надо, — сказал Леонид, — Это не обязательно. Я задам вопрос, на который вы сумеете ответить наверняка. Скажите, Кариола, вы пользуетесь той же степенью альбастезии, что и мы, пассажиры?

— Да. Но только альба-сеансы для членов экипажа заканчиваются немного раньше.

— Вы помните свои ощущения во время альба-сеанса?

— Конечно.

— Какие они у вас?

— Ну... Сначала все зеленое. Потом все становится белым, и я как бы сжимаюсь в маленький плотный комочек. Потом белое распадается на отдельные пятна, и сквозь облако белых пятен проглядывает зеленое. Вот и все... Заканчивается альба-сеанс, я прихожу в себя и чувствую, как у меня онемели руки. У всех так бывает. Разве у вас бывает не так?

— Нет. Кроме того, что сначала я тоже вижу зеленое.

— А потом?

— А потом я улетаю в отпуск на неизвестную планету.

Послышался сдержанный смех.

— И чем вы там занимаетесь?

— Это смотря какая планета. Сегодня я ловил рыбу. А меня ловили бесхвостые львы.

Кариола смеялась. Ей было очень весело, и Леонид спросил:

— Смешное занятие, правда?

— Извините, — оборвала она, — придется еще немного полежать. Мы задержали звонок, потому что техники нашли неисправность в системе освещения портоментала. До свидания.

Раздался мягкий щелчок, и стало тихо. Леонид спокойно смотрел в потолок. По темным водам Чантара плыли странные львы с электрическими фонарями...

Да, сначала все зеленое, потом все становится белым, потом белое на зеленом, пробуждение и онемевшие руки. Стандартный набор ощущений во время стандартного альба-сеанса. Так бывает у всех... Но только не у него, пассажира каюты номер двадцать один. Вернее, было и у него, когда он летел на «Калькутте» маршрутом Юпитер—Земля. Теперь же он летел обратным маршрутом Земля—Юпитер и не на «Калькутте», а на «Ариадне», и у него вместо белого на зеленом появились темные воды Чантара и странные львы с фонарями...

С начала этого рейса четыре раза он надевал защитный комбинезон, когда «Ариадна» брала разгон от Земли, совершала маневр, тормозила у станции «Гранд—астероид», опять разгонялась. И четыре раза, очнувшись после альба-сеанса, он плавал в холодной испарине и обалдело таращил глаза. Зумма, Куласса, Амбатарес, Чантар... Откуда? Если б что-то попошле, скажем — Плутон, было бы понятнее...

Зумма, Чантар, Амбатарес, Куласса... Более того — реки и джунгли Чантара, слизевые леса Амбатареса, болота Зуммы, туманные пески Куласса. Причем все так реально.

А на темных водах Чантара лучились девять пар живых фонарей...

Леонид подумал теперь, что число девять каждый раз повторялось. Правда, на первом

сеансе он не считал шерстокрылов Куласса. Неуклюже, как высохшие бычки шкуры, они перепрыгивали с бархана на бархан, иногда планировали и тяжело плюхались в красный песок. Стоял густой туман, но его плотную пелену пронизывал сильный золотистый свет, сияющие верхушки барханов просматривались довольно далеко, и это казалось невыслышимым...

На Зумме шел дождь попеременно с мокрым снегом, и колчENOги тряслись от холода. Жалкие существа на высоких ходулях. Устрично-скользкие, сплошь покрытые белыми лишаями. Их было девять. Они с печальным скрипом бродили по болоту и что-то шарили хоботами в мелких озерах.

Полужидкие слизевые заросли на Амбатаресе были более привлекательны. Днем, когда небо этой планеты полыхало ярко-зеленым огнем, бугристые скопище слизняков осыпало и склеивалось в тестообразную слоистую массу, изрезанную кое-где глубокими извилистыми бороздами, которые тоже постепенно склеивались, придавленные тяжестью оплывающих бугров. В сумерках после проливного, но кратковременного дождя слизняки засветились и стали вспучиваться свечевидными пузырями. По мере того, как пузыри вытягивались в колонны, слизняки отклеивались друг от друга и начинали светиться очень разнообразно: голубым, розовым, желтым, красным, зеленым и всеми оттенками этих цветов. Чем тоньше были колонны, тем выше они вырастали, потом они изгибались под собственной тяжестью и оседали плавными дугами или восьмерками, а на верхних изгибах дуг и восьмерок вспухали новые пузыри, и все повторялось. Переливы нежного света, однообразный круговорот пластических форм — от всего этого веет усыпляющим покоем. Однако пришли круглотелы, похожие на черные шары, и стало жутко от скрытой в них опасности. Круглотелы ломались сквозь заросли, раздавливали слизняков и с жадным чмоканьем высасывали лужи светящейся жидкости. Их было три, и они сначала были довольно медлительны, потом каждый из них разделился на три шара поменьше, и эти шары стали носиться со скоростью пушечных ядер. Трижды три — опять-таки девять...

Долгожданый звонок наполнил кабину мелодичной трелью. Открылись замки ремней, воздух с шипением вышел из комбинезона. Леонид встал и потоптался на месте, разминая затекшие ноги.

«Нет, — думал он, — Балмеру этого не понять. До тех пор не понять, пока сам не шлепнется в болота Зуммы...»

Космолайнер «Ариадна» относился к разряду самых крупных и комфортабельных планетолетов Солнечной Системы, хотя постро-

ен был по старой классической схеме обычных «трубчатых» кораблей. Схема довольно проста: три вложенные друг в друга трубы разных диаметров и воронка фотонного отражателя. Главная из труб — средняя — высокопрочный корпус, хребет корабля, несущий на себе всю массу корабельных конструкций. Внешняя труба — защитный корпус планетолета, внутренняя — легкий корпус, или, как его именуют монтажники, «ложный». Это — общее, что объединяло типы «трубчатых» кораблей; и еще, конечно, — сам принцип движения, фотонная тяга.

Разумеется, каждый из таких кораблей имел свои отличительные особенности, зависящие от его размера, давности постройки и рабочего назначения. По величине, добротности технического оснащения, удобствам в эксплуатации фотонный левиафан «Ариадна», лайнер километровой длины, превосходил любой из «трубчатых» планетолетов.

Если бы кому-нибудь, кто плохо знал устройство «Ариадны», понадобилось обойти цилиндрическое пространство между защитным и несущим корпусами по всей длине корабля, он, пожалуй, блуждал бы несколько суток. Грузовые трюмы, причалы, палубы вакуум-створов, ангары орбитальных катеров, цистерны, большие и малые танки для жидких грузов, склады, холодильники, погруочно-разгрузочные механизмы, пневматические трубопроводы, насосные агрегаты, разветвленная сеть биозащитного комплекса, множество специализированных отсеков — от аккумуляторных до скафандровых и ремонтных. Как правило, во время крейсерского хода это царство автоматики было безлюдным. Зона обитания простиралась внутри несущего корпуса. Между несущим и «ложным» корпусами располагались семьсот пассажирских кают, две независимые друг от друга системы жизнеобеспечения, аварийный энергоблок, девятьсот кают для экипажа и большое количество служебных помещений. Командный пост занимал носовую часть корабля: центр дальней связи, навигационный центр, штурманские и ходовые рубки. Топливо, группа главного двигателя и моторная группа маневровой тяги занимали объемистую муфту на корме у самого основания зеркала отражателя.

Труба «ложного» корпуса, которая на большинстве «трубчатых» планетолетов представляла собой лишь туннельный коридор, идущий вдоль осевой линии корабля, на «Ариадне» имела такой огромный диаметр, что это позволило создателям лайнера обеспечить пассажиров и экипаж максимально возможными в условиях космического перелета удобствами. Продольная палуба делила внутрикорабельную полость на два колоссальных полуцилиндра: так называемые верхний портоментал, пассажирский, и нижний — служебный.

Из верхнего портоментала в нижний, слу-

жебный, можно попасть или по движущимся тротуарам террас и дальше — по эскалатору, или по винтовым трапам соединительных шахт.

Леонид покинул каюту слишком рано — сразу, как только освободился от комбинезона. Тротуары еще не работали, было сумрачно, светились лишь синие орнаменты на бортовых ограждениях террас, оранжевые стрелы указателей, цветные диски сигналов...

У входа в медицинский сектор Леонид замедлил шаг, оглянулся через плечо. Людей на террасах было немного, никто не смотрел ему вслед, однако он почему-то испытывал чувство неловкости и неудовольствия. Заходить к Балмеру не хотелось, но идти на попятную не позволяло данное Балмеру обещание.

Балмер стоял перед шахматным столиком. Заложив руки за спину, изучал расположение фигур. Лицо у него было большое, тяжелое и казалось чуточку высокомерным. Он заметил вошедшего Леонида, но отвлекся от своего занятия не сразу.

— Ну и как? — спросил он. Голос мягкий, доброжелательный.

— То же самое, — ответил Леонид.

Балмер внимательно посмотрел на него.

— Мне кажется, эффект «ощущения себя» значительно усилился, — добавил Леонид. — Логически это выглядело безупречно.

— Вы потребовали дать вам четвертую степень альбастезии?

— Я делаю все, что вы советуете, Балмер.

— Ну что ж... Прошу вас в диагностический кабинет.

Леонид вошел в уже знакомое ему помещение, разделся и сел в диагностическое кресло. Снял с подлокотника эластичную шапочку, усеянную внутри металлическим бисером датчиков, подумал, что все равно придется ее надевать, и надел. Окинул взглядом помещение. Кресло, ребристые серые стены и пульт в углу — больше ничего здесь не было.

Вошел Балмер.

— О, вы уже вполне освоились с оборудованием. Похвально.

Он поправил шапочку на голове пациента, прилепил к его голый груди, рукам и ногам несколько мягких присосок.

Балмер ушел за пульт, вставил ключ в гнездо на панели и чем-то там громко пощелкал. Ребристые шторы с шуршанием взлетели вверх, обнажив скрытую в стенах аппаратуру. Помещение стало неузнаваемым.

— Расслабьте мышцы, Русанов. Старайтесь глубоко дышать и думать о чем-нибудь постороннем. — Лицо Балмера приняло профессионально сзабоченное выражение.

Балмер склонился над пультом. По щекам поползли разноцветные зайчики. Волосы у него были темные с проседью.

Леонид перевел взгляд в потолок и подумал, что все это зря. Балмер настроен скеп-

тически и, вероятно, тоже считает, что все это зря. И он не так уж неправ, потому что альбастезия прекрасно работает на скоростных кораблях, и за год — с тех пор, как ее вообще применяют на межпланетных маршрутах — в психиатрической практике не было «альба-фантомного» прецедента...

— Вот и отлично, — сказал Балмер и опять что-то громко переключил.

— Это все? — спросил Леонид.

— Нет, мы повторим записи. На повторную запись уйдет больше времени, но теперь я разрешаю вам разговаривать. Так где вы на сей раз побывали? Вы понимаете, о чем я спрашиваю?

— Да, — сказал Леонид. Помедлил. — На сей раз я побывал на безлюдной планете Чантар. Занимался там рыбной ловлей, и меня преследовал прайд электрических львов.

— Гм... Электрических?

— Я называю их так по аналогии. Ведь есть электрические скаты, электрические угри. Что здесь удивительного?

— Решительно ничего... Вы могли бы рассказать подробнее?

Леонид рассказал подробнее. Балмер, сидя за пультом, внимательно выслушал странную историю.

— Так... — подытожил он. — Значит, раньше вы ощущали себя просто зрителем, а теперь вы — деятельный участник альба-фантомных событий... — Балмер что-то сделал на пультовой панели, подошел к Леониду. — Это прогресс, — сказал он, снимая присоски.

Леонид посмотрел ему в глаза.

— Видите ли, Русанов. Когда я советоваз вам четвергую, высшую степень альбастезии, я полагал, что нашел радикальный метод лечения... — Балмер загнулся. — Впрочем, вернее будет сказать, метод устранения вашего... гм... заболевания. Результат оказался впрямо противоположным.

— Я могу одеваться? — спросил Леонид.

— Да. — Балмер снова ушел за пульт, но ничего там не делал, только сидел и смотрел, как Леонид одевается. — Значит, львов было девять? Шерстокрылов, львов, круглотелов и...

— Колченогов, — подсказал Леонид.

— Скажите, Русанов, вы не могли бы припомнить какое-нибудь не слишком ординарное событие в своей жизни, как-то связанное с этой цифрой? Подумайте.

Леонид добросовестно думал минуту.

— Нет, — сказал он. — Цифра «девять» не вызывает у меня никаких отчетливых ассоциаций. И неотчетливых тоже. Мне можно идти?

— Да. Подождите в приемной, пока я здесь немного поработаю. Если меня кто-нибудь спросит, передайте, что я очень занят.

Леонид вышел.

В приемной никого не было.

«Все правильно, — подумал Леонид. — Я

ведь единственный психозфреник на корабле».

Он побродил по салону. Остановился у шахматного столика и посмотрел расположение фигур. Партия отложена с перевесом черных на одну пешку, но, если белый слон пойдет на с-6, играть черными станет неинтересно. Леонид сел в глубокое кресло, развернул иллюстрированный журнал.

В приемную вошел знакомый пилот из экипажа «Ариадны».

— Балмера нет?

— Балмер здесь, но просил передать, что очень занят.

— Жаль... — пилот бросил взгляд на шахматный столик. — Мне скоро на вахту, и Балмер прекрасно знает об этом.

— Черные все равно проиграли, — сказал Леонид, листая журнал.

— Ты думаешь?

— Посмотри сам. Если белые пойдут сломом на с-6, черные проигрывают ферзя.

Пилот посмотрел и спросил:

— А если Балмер так не пойдет?

— А что ему помешает?

Пилот не ответил. Леонид перевернул страницу.

— Да, пожалуй... — сказал пилот после минутного размышления. — Ну, я пойду. Перед вахтой надо побриться... И зачем я взял эту пешку?..

— Балмеру что-нибудь передать?

— Передай, что в конце моей вахты начнется этап последнего торможения. Ну, будь здоров.

Леонид не ответил. Пилот посмотрел на него и ушел. Леонид листал журнальные страницы, но думал теперь о другом. Об этапе последнего торможения, о Дальнем, о Надии и о ребятах из Проекта «Эхо Юпитера». Львы были где-то совсем далеко и уже не мешали. Мешал журнал, который бесполезно шелестел в руках, и мешала смутная цель ожидания Балмера...

Вошел Балмер. Опустился в кресло напротив, небрежным движением набросил депочку с ключом на мыс подлокотника. Сидел он, удобно откинувшись, и имел вид человека, которого принудили выполнить бессмысленную работу, и вот он только что ее блестяще выполнил.

— Поговорим, Русанов?

Леонид отложил журнал в сторону:

— Поговорим.

— Боюсь, я ничем не смогу вам помочь.

— Настолько я безнадежен?

— Да, если хотите. В том смысле, что вы не представляете для меня интереса как пациент. Вы совершенно здоровы.

Балмер соединил вместе кончики пальцев и некоторое время задумчиво их разглядывал. У него были большие красивые руки. Он ждал, когда Леонид что-нибудь скажет. Леонид молчал.

— Сегодня я провел сравнительный анализ диагностических записей. Серьезный,

комплексный анализ. Я даже затребовал видеоконши ваших записей из медархива Управления космических отношений. Под грифом «Пригоден к любому виду работ на внеземельных объектах» стоят подписи трех светил современной психоаналитики. Сравнительный анализ меня успокоил. Состоянию вашей психики можно позавидовать.

Балмер снял ключ с подлокотника и поиграл цепочкой. Разговор в принципе был окончен.

— Признаюсь вам, — сказал Леонид, — я был уверен, что здоров.

— Абсолютно. Здоровее не бывают. Если бы вы были здоровее, чем вы есть, я бы подумал, что это ненормально.

— Вы очень любезны, — улыбнулся Леонид.

— Я пошутил и, кажется, не совсем удачно, простите.

— Вы меня не поняли, Балмер. — Леонид подался вперед. — Я был убежден, что мне не нужна медицинская помощь.

Балмер удивленно взглянул на него:

— Тогда для чего вам понадобилась медэкспертиза?

— Для вас. Для того, чтоб убедить вас подойти к делу с другой стороны. А еще лучше — со всех мыслимых и доступных нам с вами сторон.

— «Мыслимых» еще не значит «доступных», — цепочка змейкой обвила запястье. — Вы хотите, Русанов, чтобы я затеял поиски вне сферы психиатрии. Но я уже говорил, что ничем не смогу вам помочь. Этот случай выходит за пределы моей компетенции.

— И моей тоже, — сказал Леонид.

— Так чего же вы все-таки добиваетесь?

— Видите ли, Балмер, со мной произошло и продолжает происходить нечто весьма необычное. И я не могу, не имею права оставлять это в себе. Пусть оно станет достоянием ученых.

— Вы хотите отдать себя в руки экспериментаторов?

— Нет, как раз этого я не хочу. Мне любопытно узнать, что вы думаете по поводу альба-фантомного прецедента. Разумеется, если вы согласны на полную откровенность.

— Ничего не думаю, — сказал Балмер. — У меня нет никакого фундамента для размышлений. И я с вами совершенно откровенен, Русанов. Давайте в конце концов проясним ситуацию. Прецедент есть прецедент, и куда от него не денешься, он существует. Но он никак не связан с аномальным состоянием вашей психики. Это я утверждаю как специалист по психоаналитике. А что касается альба-бастезии — она тем более тут ни при чем.

— Да, — Леонид кивнул. — Альба-бастезия стандартна для всех пассажиров и экипажа этого корабля. Белое на зеленом...

— Она стандартна для всех дальнорейсовых кораблей космофлота Системы, — дополнил Балмер.

Леонид возразил:

— Однако специалисты по психоаналитике на «Калькутте» и не подозревают о существовании альба-фантомного прецедента. Он возник на борту «Ариадны».

— Что ж, на «Калькутте» вы еще не умели впадать в забытие во время альба-сеанса. На «Ариадне» вы научились. И вам стали сняться роскошные сны.

— Вот видите, Балмер, у вас уже появилась гипотеза. Осталось развить ее и понять, почему роскошные сны снятся мне одному. Вы хорошо знаете альба-бастезию?

— Гм... в пределах своей специальности, разумеется. Но с какой стати вы устраиваете мне дилетантский допрос?

— Во всяком случае не для того, чтобы вас обидеть. Я очень рассчитывал на вашу снисходительность.

— О, вы ужасный хитрец! Нет, Русанов, вы просто блестящий дипломат! — Балмер посмеялся. Он умел смеяться с закрытым ртом, и это выглядело так, будто во рту у него что-то было и он боялся его выронить.

— Сдаюсь, не выдержав натиска. Что вас интересует конкретно?

— Альба-бастезия.

— Жаль, что вас не интересует, ну, скажем, шахматная игра...

— Игра меня тоже интересует. Но в первую очередь — альба-бастезия. Я не против, если изложение будет в популярной форме. Для дилетанта.

Балмер стал популярно рассказывать об альба-бастезии. Он явно не видел в этом большого смысла и, поигрывая цепочкой, небрежно выкладывал то, о чем его настоятельно попросили. Леонид смотрел ему в переносицу и думал, как трудно расшевелить человека, у которого умный, но закостеневший в будничной работе мозг. Леонид вообразил себе его мозг, и вместо серого мягкого вещества очень живо увидел крупный желтоватый хрящ... Чтобы избавиться от наваждения, стал смотреть на руки Балмера. Они все время двигались, и за ними было приятно следить, блеск тонкой цепочки дополнял это впечатление.

— ...В принципе, альба-бастезия — одно из рядовых достижений космической медицины, — говорил Балмер. — Строительство крупных научно-исследовательских баз в лунных системах Юпитера и Сатурна привело к резкому увеличению количества и дальности космических маршрутов, что в свою очередь послужило толчком буквально к революционным преобразованиям в области производства и эксплуатации космотранспорта. В частности, намного возросли скоростные характеристики дальнорейсовых трампов и лайнеров. Однако, если рост скорости крупнотоннажных грузовиков, танкеров и пилотируемых станций специального назначения с хорошо подготовленным экипажем не вызывал особенных осложнений, то увеличение скорости пассажирских кораблей сразу поставило

перед космической медициной проблему так называемого «барьера выносливости нетренированного пассажира к перегрузкам разгона, маневра и торможения». Удалось, наконец, найти, что болезненные ощущения при перегрузках, как ни странно, можно значительно снизить, если поместить пассажира в переменное поле искусственной гравитации. Несколько позже было замечено, что положительный эффект усиливается, если генерировать поле в режиме «растянутой синусоиды». Кому-то в голову пришла удачная мысль модулировать поле. Кто-то другой использовал для модуляции исследовательские записи гравитационных полей Вселенной...

Леонид спросил: не помнит ли Балмер, записи каких именно гравитологических станций были использованы?

— Для модуляции поля первоначально были использованы исследовательские материалы с гравитологической станции астероида Торо. Небольшой такой астероид, член резонансной системы Земля—Луна—Торо. Гравитологов, помнится, немало позабавил интерес космической медицины к их исследовательским материалам. Однако для тех, кто занимался проблемой «барьера выносливости», записи Торо явились сущей находкой. Проблема была решена. В принципе, конечно, потому что альбастезия продолжает совершенствоваться и дальше. Но что характерно: ни добровольцы, на которых ставят эксперименты по отработке методов альбастезии, ни пассажиры межпланетных лайнеров, вынужденные участвовать массовых альбастезов, не имеют об альба-фантамах никакого понятия. А вы имеете. Более того — активно себя проявляете в альба-фантомных событиях. Тот поразительный случай, когда все, кроме одного, идут не в ногу!..

— Послушайте, дорогой Балмер, — сказал Леонид. — Я понимаю ваше негодование, но мы слегка уклонились от темы. Вот вы говорите, гравитологические записи Торо были использованы первоначально. Значит ли это, что в настоящее время для альба-сеансов используют какие-то другие записи? А если да, то откуда они?

— Откуда угодно. Это не имеет значения. Ведь техника альбастезии от этого не меняется. Какая, собственно, разница — меньше белых пятен на зеленом фоне или больше?

— Да, — сказал Леонид, — особого значения не имеет... А вам как нравится, Балмер? Когда пятен больше или когда их меньше?

— Мне лично все равно. Пожалуй, приятнее, когда меньше.

— Вы знаете, откуда запись на «Ариадне»?

— Кажется, от гравитологов станции «Зодиак». Виноват, это было в позапрошлом рейсе. — Балмер подумал. — Тиджан ведь говорил мне, откуда... Ах, ну конечно! Он вы-

удил ее... Ну, словом, у одного из тех, кто занимается проблемами Юпитера.

— Вот как? — Леонид оживился. — Я знаю многих, кто занимается проблемами Юпитера. Почти всех.

— Тогда вы должны знать Маккоубера. Он руководитель исследовательской группы Ю-Центра, которая разработала в Дальнем проекте «Эхо Юпитера» или только разрабатывает, точно не знаю. Маккоубер разрешил Тиджану покопаться в исследовательских материалах этой группы, и тот выбрал какую-то запись для применения в альбастезии. Она оказалась эффективнее прежней. Не намного, но вы понимаете — в этих делах важна каждая доля процента.

— Я понимаю, — сказал Леонид.

Балмер на него посмотрел и спросил:

— Вы хорошо знаете Маккоубера?

— Мы хорошо знаем друг друга, поскольку работаем в одной группе.

— Ах, вот как! — Теперь у Балмера был озадаченный вид.

— Пожалуй мне пора, — Леонид поднялся. — Я и так отнял у вас массу времени.

Балмер молчал в замешательстве.

— Будьте здоровы, — сказал Леонид. — До свидания. Кстати, заходил один из пилотов и просил передать, что в конце его вахты начнется этап последнего торможения.

3

Водяная планета Лидула, спутник синего солнца, — почти сплошной океан. Поверхность океана была спокойной и гладкой, как голубое стекло, и казалась вогнутой, как чаша, по причине сильной атмосферной рефракции. Края океанической чаши топили в лиловой дымке, и там, где дымка переходила в облачный слой на горизонте, неожиданно празднично и легко поднималась и шла изгибом через весь небосвод ослепительно белая двойная дуга, — планета имела двойное кольцо, украшение неба и океана... Плот застрял на краю илстого озолоида. Вода вокруг озолоида была мутно-зеленого цвета, и от нее исходил гнилостный запах. Языки мутной воды, точно реки пролитой краски, вливались в голубую гладь океана, и там их закручивало течение. Озолоид был очень большой, но плоский, едва выступал над водной поверхностью, и только в центре время от времени вспучивался полужидкий вал грязевого кратера. В кратере что-то долго шипело и булькало, потом раздавался раскатистый грохот, и в небо взмывал фонтан коричневой грязи. Озолоид кишел разнообразнейшей живностью, однако всего любопытнее были баллудии. Колония из девяти баллудий парила над илистой топью — огромные мертвенно-синие пузыри, обросшие седыми бородами корней...

— Торможение окончено. Альбастезию снимаю. Надеюсь, вам было удобно, и вы безболезненно перенесли перегрузки?

Леонид пришел в себя и с тихой ненавистью слушал голос фonoстюарда.

— Лежите спокойно и ждите звонка. Через несколько минут наш лайнер прибудет на орбитальный рейд Дальнего. Ждите звонка. К выходу вас пригласят.

Оцененение сразу прошло. Леонид с удовольствием потянулся. «Вот мы и дома...» — подумал он, и эта приятная мысль пробудила чувство нарастающего нетерпения. В такие минуты всегда казалось, будто звонок ужасно запаздывает, хотелось вскочить, сбросить с себя привязные ремни, приготовиться к выходу. Леонид крепко зажмурил глаза.

«Странная штука — нетерпение, — размышлял Леонид. — Постоянно живет в человеке эта маленькая дикая копка, и на нее обращаешь внимание только тогда, когда она превращается в леопарда...»

Он уловил в каюте движение, открыл глаза и увидел Балмера.

— Вот так сюрприз! Вы ко мне с ответным визитом?

— Как самочувствие, Русанов?

— Отличное, Балмер. И если вы освободите меня от ремней, высокий тонус моего настроения сразу удвоится.

Балмер сунул руку под изголовье и что-то там сделал. Ремни опали, воздух с шипением вышел из комбинезона. Леонид вскочил.

— Ну что же вы стоите, Балмер? Присаживайтесь. Мне не терпится рассказывать, какой роскошный сон я только что увидел. Вы не против, если во время беседы я займусь кое-какими делами?

Леонид, рассказывая про голубую Лидулу, аккуратно сложил противоперегрузочное кресло (стюардессам меньше работы), отжал остатки воздуха из полостей комбинезона — опавшая ткань стала блестящей и жесткой, как алюминиевая фольга. Балмер сидел и внимательно слушал. Вид у него был угрюмый, но очень заинтригованный.

— Вот и все, — закончил рассказ Леонид. — Потом меня разбудил голос фonoстюарда, и я на него ужасно обиделся.

Балмер встал и прошелся взад-вперед по каюте. Снимая комбинезон, Леонид наблюдал за Балмером в зеркало.

— Так, Русанов... Значит, эффект «ощущения себя» на этот раз ничтожно мал?

— По сравнению с тем, что я испытал на Чантаре? Да, никакого сравнения.

— Хотите знать, почему?

— Любопытно.

— На этот раз я распорядился дать вам вторую степень альбагезии. — Балмер ходил по каюте, как маятник.

— Понимаю... И если это хоть что-нибудь прояснило...

— Ничего это не прояснило, — Балмер остановился. — Может, следует потянуть за ниточку, которая ведет к Маккоуберу?

— Вас поразило совпадение, что мы с Маккоубером работаем в одной группе?

— Да, и над одним проектом. В чем суть проекта, Русанов?

— Вы регулярно следите за всепланетной информацией, Балмер?

— А вы?

Леонид рассмеялся.

Прозвучал звонок. Было слышно, как на привязных ремнях бесполезно щелкнули замки. Шурша, раздвинулись гардеробные створки. Леонид взглянул на часы, прикинул поправку для местного времени и, немного поколебавшись, выбрал вечерний костюм.

— Проект довольно сложен, — сказал он и вынул костюм из чехла. — Слишком долго объяснять.

— Долго не надо. Коротко, самую суть.

Балмер сел в кресло, откинулся, вынул цепочку, взглянул на нее и спрятал обратно. Леонид видел все это в зеркале и подумал, что объяснить все же придется.

— Вы что-нибудь знаете о проекте «Мастодонт»? — спросил он.

— Очень немного. В основном, только то, что два «Мастодонта» погибли в средних слоях атмосферы Юпитера, после чего проект был отвергнут.

— Ну, не совсем... Остальные шесть «Мастодонтов» были просто подняты выше. Теперь они продолжают давать чисто «атмосферную» информацию, и ребята, изучающие атмосферу Юпитера, — на нашем жаргоне «АЮ-научники», — получили невероятно комфортабельные внутриатмосферные базы. Не было счастья, да несчастье помогло... Но дело не в этом. Дело в том, что провалилась идея глубокого зондирования с помощью «Мастодонтов». И поскольку нам все-таки очень хотелось разведать поверхность грозной планеты, мы, АЮ-научники, лет пятнадцать назад разработали новый проект «Эхо Юпитера». Основной Проекта была идея Иванова — Маккоубера погрузить на самое дно газовой оболочки планеты особые светодатчики, способные пронзить плотную облачность ударом луча-рапиры и таким образом доставить нам информацию о самой поверхности. Светодатчикам дали название «Мамонты».

— Ах, вот вы о чем! — оживился Балмер. — Так это — те самые «пульверизаторы»...

— Да. Когда хотят оскорбить нас, сотрудников Ю-Проекта, наших очаровательных «Мамонтов» называют пульверизаторами, самоварами и — совестно произнести — плеваками.

Леонид придирчиво оглядел себя в зеркале. Костюм ему нравился — короткий черный колет с узкими рукавами, украшенный на манжетах зеркально-блестящей решеткой, и черные узкие брюки с такой же решеткой на поясе. Правда, смущала пышность белой сорочки, мерцающей голубыми и розоватыми блестками, — по мнению Леонида, было слишком много кружев на груди и вокруг шеи. Но приходилось мириться — согласно традиции,

все, кто возвращается в Дальний, должны быть одеты по последней моде Земли. И потому, сегодня юбилейное торжество: двадцать лет со дня основания Дальнего — одного из крупнейших базовых городов вземелья...

— Так на чем мы остановились? Ах, да!.. Мы обсуждали вопрос: можно ли называть пульверизатором устройство, объем которого превосходит сумму объемов этой каюты и вашей прием... — Леонид замер на полуслове: он случайно взглянул на Балмера в зеркало и сразу осекся.

— Простите, — сказал Леонид. — Я, кажется, заврался.

— Я рад, что у вас отличное настроение, — ответил Балмер. — Я понимаю: близость дома, семья, предвкушение скорой встречи с друзьями... Это всегда возбуждает.

— Да, — сказал Леонид. — Дикая кошка огромного нетерпения...

Балмер кивнул на соседнее кресло.

— Присядьте, прошу вас. Времени еще достаточно, и мы успеем немного поговорить. Во-первых, кратко опишите мне устройство светодатчика «Мамонт».

Леонид послушно присел.

— «Мамонт» — шар, объемом в сотню кубических метров. Несколько оболочек. Верхняя, броневая, отлита из модифицированного металло стекла, которое по прочности и термоустойчивости превосходит все известные ныне материалы. Внутри шара — плазменный реактор и большой запас специального металлического сплава. В нижнем сегменте — устройство для кодовой записи информации, поступающей извне. В верхнем — мощная светопушка... Я забыл сказать, что шар имеет пять небольших выступов. Четыре внизу — мы их называем «еловые шишки», один наверху — мы называем его «помидор». Сквозь «помидор» проходит канал световода — очень тонкий канал, не пролезет даже мизинец. Вот, в основном...

— Ну, хорошо, — перебил Балмер. — «Мамонт» погружается в атмосферу, садится на гипотетическую поверхность. И что же дальше?

— А дальше «Мамонт» начинает действовать автономно. «Еловые шишки» собирают информацию об окружающей среде. Реактор и специальное литейное устройство вырабатывают полуметровые металлические стержни толщиной с грифель карандаша. Кодированное устройство записывает полученную информацию по всей длине стержня, потом этот стержень закладывается в лучемер светопушки и выстреливается вместе с лучом за пределы атмосферы. Нам остается выловить стержень и получить у него сведения о том, что делается в глубине Юпитера.

— Должно быть, очень трудоемкое занятие?

— Вы имеете в виду ловлю стержней? Да, искать и ловить стерженьки над планетой дело нелегкое. И, пожалуй, этот наш Ю-Про-

ект отвергли бы как бессмысленную затею, если бы не идея Маккоубера. Его идею можно выразить одним словом «количество». Он предложил такое, что поначалу даже нам, его коллегам, единомышленникам и товарищам, показалось, что он хватил через край. Он предложил сбросить в Юпитер полмиллиона «Мамонтов».

— Н-да, многовато... — пробормотал Балмер. — Я помню, лет пятнадцать назад этот проект вызвал большой резонанс в среде космоэнтологов.

— Да, — согласился Леонид. — Я был еще зеленым студентом, но уже тогда идея Иванова — Маккоубера захватила меня. Маккоубер сумел организовать жесткое сопротивление оппонентам, а затем, заручившись поддержкой влиятельного круга ученых, перешел в наступление и быстро добился от Совета Системы санкции на осуществление Проекта «Эхо Юпитера». «Проект потребует слишком много средств и усилий», — вторили оппоненты. «Зато мы будем знать о Юпитере все!» — ликовали энтузиасты. «Земля и районы основного вземелья не смогут выделить все для этого достаточное количество производственных мощностей». — «Мы создадим нужную нам производственно-техническую базу в лунной системе самого Юпитера!» — «Проект морально нерентабелен». — «Проект морально рентабелен, потому что Юпитер — это фундамент будущности всего вземелья!» Ну и так далее...

— Однако год спустя, если не ошибаюсь, ажиотаж вокруг проекта угас, — напомнил Балмер.

Леонид вздохнул и сказал:

— Энтузиасты много шумят, когда берутся за дело. Взвзвись — помалкивают. Кончив дело — или шумят, или помалкивают. В зависимости от полученного результата.

— Значит ли это, что результат вашего Ю-Проекта еще не ясен?

— Как вам сказать... Видите ли, Балмер, сложность в том, что идея Маккоубера — это, образно выражаясь, молочная ферма Проекта. Ферма создана — полумиллионное стадо «Мамонтов» пасется в просторах Юпитера и дает молоко — ежечасно за атмосферу выносятся полмиллиона стержней. Казалось бы, нам остается вылавливать стержни и потреблять заложенную в них информацию. На первых порах мы так и делали. Орбитальные трайлячки типа «Муфлон» снабжали уловом спецлабораторию на Амальтее. Там информация снималась и данные поступали в Ю-Центр. И уже на основе полученных данных в Ю-Центре мы строили математическую модель планеты. Есть у нас такая Ю-моделирующая установка «Магистр». Как видите, цепочка длинная: «Мамонт», стержни, «Муфлон», Амальтея, Ю-Центр и «Магистр»...

— У вас возникла мысль укоротить цепочку, не так ли? — догадался Балмер.

Леонид посмотрел на него с уважением.

— Верно. Старый способ обработки Ю-информации надо было менять. За пятнадцать лет постоянно растущее стадо «Мамонтов» произвело на свет многие миллиарды стержней. Мы вывели на орбиты маневровые гравитационно-импульсные устройства типа «Слон» и с их помощью собрали основную массу летающих вокруг планеты стержней в компактное облако. Вот тут-то и возникла мысль избавиться от посредничества «Муфлонов» и Амальтеи. Как бы это вам лучше объяснить?.. Поскольку я сравнивал скопище стержней с молочным морем, то, продолжая образную аналогию, я назову сливками информацию, которая на этих стержнях записана. До сих пор мы снимали сливки, перекачивая молочное море к сепараторам. Смысл нашей новой идеи заключался в том, чтобы сделать все наоборот. То есть поместить какое-то подобие сепараторов прямо в облако стержневых носителей Ю-информации и направить информационные сливки в Ю-Центр непрерывным потоком.

— И ваша поточная линия Ю-информации себя оправдала?

— Ну... во всяком случае, мы уже проводили эксперимент перед моим отлетом на Землю. Результаты хорошие.

— В техническом отношении это было очень сложно? — спросил Балмер.

— Конечно. Рассказывать об этом проще. Мы поместили в облако стержней несколько специально запрограммированных автолабораторий типа «Физлер». Они-то и выполняют роль сепараторов. Пропуская стержни сквозь дешифрующее устройство, «Физлеры» считывают информацию и пересылают ее в приемники Ю-Центра. Таким образом, установка «Магистр» создает и совершенствует математическую модель Юпитера непрерывно. Разумеется, Балмер, все это я излагаю очень схематично. Я обрисовал вам суть Проекта и надеюсь, что вас это как-то устроит.

— Спасибо, Русанов, — Балмер кивнул.

— Собственно, не за что. Я понимаю цель ваших расспросов... Но я могу лишь посоветовать вам выяснить, какие именно исследовательские материалы специалисты по альбастезии заплучили у Маккоубера.

— Я выяснил. На борту «Ариадны» для альба-сеансов используют запись «гравитационного мерцания ЭЮ-объекта».

— Да? — Леонид задумался.

— ЭЮ-объект — это, как я понимаю, облако стержней. А вот насчет мерцания...

— Попробую вам объяснить, Балмер. —

Видите ли, после того, как стержни были собраны в облако, это облако приняло форму круглой плоской подушки, из-за чего мы иногда называем его «камбалой». Однажды кто-то заметил, что внутри нашей «камбалы» то и дело возникают области довольно интенсивных завихрений. Кто-то другой неожиданно вспомнил, что нечто подобное наблюдается в Кольце Сатурна, причем именно в тех его

зонах, где сосредоточен наиболее мелкий обломочный материал. Даючку решили проверить. Так появился запись «гравитационных мерцаний». Но, по-моему, до сих пор никто не удосужился обратиться за консультацией к сатурнологам-кольцевикам. И можно это понять, ведь нам приходится решать бездну более важных вопросов. К тому же запись «мерцаний» Маккоубер держал у себя, и они как-то перестали попадаться нам на глаза.

— Благодарю вас, Русанов. — Балмер поднялся. — Простите мне мою назойливость и разрешите пожелать вам всего доброго. Впрочем... последний вопрос: вы возвращаетесь из отпуска?

— Нет. Я участвовал в работе Конгресса космологов. Этим должен был заниматься Маккоубер, но в последний момент он изменил свое решение и в качестве представителя от нашего Ю-Проекта отправил на Конгресс меня. В то время я был очень занят обработкой экспериментальных данных первого запуска «Физлеров», однако Маккоубер настоял, и мне пришлось прервать работу. Я полагал, что это ненадолго. К сожалению, обстоятельства сложились так, что это затянулось на три месяца. И вот, наконец, возвращаюсь...

— Ну что ж, — сказал Балмер. — Успешного вам продолжения. Чрезвычайно рад был познакомиться с вами.

— Я тоже. Будьте здоровы, Балмер. Если у вас возникнут какие-то новые соображения по поводу альба-фантомного прецедента, я думаю, вы найдете возможность проинформировать меня об этом.

— Непременно. Полагаю, что в праве ожидать того же от вас. Дело весьма любопытное... Будьте здоровы, Русанов. До встречи.

Балмер покинул каюту. Леонид стоял у двери в глубокой задумчивости. Альба-фантомы, запись «мерцаний», Маккоубер... После бесед с доктором Балмером романтический блеск альба-фантомных событий слегка потускнел, но по-прежнему Леонид не знал, что и думать. Его мучило тревожить неясное и нехорошее предчувствие.

— Наш рейс окончен! — жизнерадостно сообщил знакомый голос Кариолы. — Пассажиры приглашаем к посадке на орбитальные катера. Не забудьте набрать свой багажный индекс на лицевой панели информатора. До свидания. Всего вам приятного!

4

Орбитальный полет продолжался недолго, и Леонид понял, что посадка будет на территории главного космопорта Европы.

Катер мягко сел на платформу, и платформа втянулась в зашнурованную трубу кессона. Поток подогретого воздуха рсталнял иней, труба открылась с Другого конца, катер медленно въехал в большой, освещенный желтым

сиянием зал, остановился перед широким лестничным маршем перрона. Пассажиры «Ариадны» встали с кресел, нетерпеливо сгрудились у дверей.

Встречающих было много. Гораздо больше, чем обычно.

Леонид пожимал протянутые руки, здоровался, улыбался, кивал, отвечал на вопросы, прощался с попутчиками и все время шарил глазами в толпе.

— Ищешь кого-то? — спросил знакомый пилот-шахматист с «Ариадны».

— Нет, — сказал Леонид.

— Ну-ну... — Пилот был заметно расстроен. Его, наверное, тоже не встретили. — Мне показалось, что ищешь.

— Нет, — повторил Леонид, все еще глядясь вповерх голою.

Надид не было. Сквозь вакуум-защитный купол глядел Юпитер, и на фоне его огромного диска пульсировали красные огни на мачтах и чашах антенн дальней связи главного космопорта. Значит, у нее дежурство, решил Леонид, выбираясь из толпы. Если бы не дежурство, она непременно пришла бы... Он вспомнил, что забыл попрощаться с пилотом, обернулся и помахал рукой. Пилот смотрел ему вслед.

Спустившись на эскалаторе к трубе пневматической дороги, Леонид постоял на платформе в ожидании поезда. Подошел поезд, открылись прозрачные двери, выпустили и проглотили нескольких пассажиров, и поезд ушел. Леонид зачем-то еще постоял, потом вернулся на эскалатор, спустился на ярус ниже. Среди встречаемых почти никого знакомых не было, но он заметил, что все на него смотрят. Он не сразу понял, почему на него так смотрят, а когда понял, то мысленно обругал свой новомодный дурацкий костюм, и тут же об этом забыл.

Все кабинки видеотекторов были заняты. Леонид выбрал крайнюю и подождал. Сквозь стекло он видел ярко освещенное лицо человека с густыми пшеничного цвета усами. Человек улыбался и часто кивал изображению на небольшом экране, потом заметил ожидающего Леонида, закончил разговор и вышел.

— Вам придется все время давить на рычаг, — сказал он. — Там ослабла пружина и контакт иногда прерывается. Вы с «Ариадны»?

— Да, с «Ариадны», но сейчас мне ужасно некогда.

Незнакомец одобрительно пошевелил усами, отступил от двери, и Леонид подумал, что усы очень идут этому человеку. Человек был молод и весело щурил глаза. Молодой усатый человек представился:

— Юрий Двинский.

— Леонид Русанов, — представился Леонид.

— До свидания, Леонид. И не забудьте давить на рычаг.

— Спасибо, я не забуду. Всего хорошего.

Леонид прикрыл за собой стеклянную дверь, набрал на пульте нужную комбинацию цифр и надавил на рычаг. Яркий свет ударил в глаза, вслыхнул экран.

Он увидел ее лицо. Оно было задумчивым и немного усталым. А когда она увидела Леонида у себя на экране, ее лицо просветлело, и он понял, что она ждала его вызова. Она была занята на дежурстве, но не могла не знать, что он прилетел, и находилась возле видеотектора, чтобы сразу ответить на вызов.

— Здравствуй, Надия! — хрипло сказал он.

У него не было времени попрощаться с ней перед отъездом, он очень спешил — «Калкутта» уже закрыла вакуум-створы, и его доставили на борт спецрейсовым катером. В радиogramме с Земли он обещал ей вернуться на месяц раньше, но не сумел выполнить обещания, потому что Маккоубер неожиданно и самовольно сложил с себя полномочия, все перепуталось, и нужно было что-то решать...

— Ты должна взять меня в руки и приучить наконец к дисциплине, — сказал он. — Ну куда это годится — я самый недисциплинированный человек в системе Юпитера!

— Юпитера?.. Бедный мой! Ты хотел сказать: в нашей Галактике!

— И за ее пределами, — охотно согласился он.

— Не подлизывайся ко мне. Ты хоть раз вспомнил меня за все это время?

— Не надо, родная! Это слишком злая шутка — так говорить! Ты постоянно была со мной, я ни минуты не жил без тебя. Ни секунды...

— Хотелось бы в это поверить, — сказала она. — Но ведь я тебя знаю, ты постоянно занят, тебе никогда не доставало времени для меня...

— Да, — сказал он. — Я постоянно занят, но все мое время — твое. Без тебя мое время было бы мне, наверное, и не нужно. Это было бы страшно пустое время... Я даже боюсь себе это представить.

— Я тоже боюсь... — тихо сказала она, и он вздохнул с облегчением.

— Все будет у нас хорошо. Во всяком случае, я постараюсь, чтобы у нас все было отлично. Верить?

Она молчала, а он подумал, что не слышал ее из-за плохого контакта, и чалел на рычаг.

— Повтори мне, пожалуйста, что ты сказала, Надия.

— Кажется, я ничего не сказала... Прости, я немного задумалась.

— Можешь не говорить. Если веришь мне, просто кивни. Верить, да?

Она испуганно и торопливо кивнула.

— Я верю, что у нас все будет отлично, — произнесла, как произносят формулу заклинания. — Я тоже буду стараться. Это значит, что я должна быть готова снова и снова ждать тебя месяцами...

Он этого не ожидал и не сразу нашел, что ответить.

— Что нового у тебя? — спросила она.

— Особенно ничего, — он пожал плечами, надеясь, что это получилось у него естественно и беспечно. Новым было то, что он вернулся руководителем Проекта вместо Маккоубера, но все это было так сложно, что говорить об этом сейчас не хотелось. — Ничего нового, кроме костюма.

— Красивый костюм.

— Тебе нравится, правда? Я надел его для тебя. Иначе бы я не решился.

— Очень красивый костюм. В нем ты просто неотразим... Почему ты держишь так руку? Твой роскошный манжет закрывает мне четверть экрана.

Он объяснил ей про контактный рычаг.

— Как твои дети? — спросил он.

— Я сегодня немного устала. Группа выросла до двадцати малышей. Очень милый, но беспокойный народец.

— Второе дежурство подряд? Ну, признавайся.

— Да... Но это для того, чтобы у нас был сегодня свободный вечер. И завтра.

— Спасибо, родная. Сегодняшний вечер будет прекрасным. Но в другой раз не надо, побереги себя.

— Скоро малышки отправятся спать, и я сумеем освободиться. Ты поедешь оттуда прямо домой?

— Нет... Я хотел бы зайти ненадолго в Ю-центр.

— Хорошо.

— Если ты не хочешь, я не пойду.

— Нет, почему же, иди. Правда, так будет лучше. Я ведь тоже должна подготовиться к вечеру.

— Ну, хорошо. Я зайду за тобой.

— Не нужно. Я сама зайду за тобой. И отсюда мы отправимся праздновать.

— Да. Танцевать, пить шипучее аллизо и здороваться с друзьями. Нас ожидает чудесный вечер, верно?

— Я скоро зайду за тобой, — она кивнула. Экран погас.

Леонид снял руку с контактного рычага, провел по глянцевой поверхности экрана, уперся лбом в кулак. На мгновение ему показалось, будто у него кружится голова...

Пневматический поезд с шумом влетел на станцию «Площадь Согласия». Леонид не собирался здесь выходить — ему нужна была следующая станция, но он уже стоял на перроне, а поезд ушел. Ждать другого поезда не имело смысла, потому что небоскреб, в котором размещался научный центр космологических проблем Юпитера, стоял на этом перроне, и отсюда было до него не намного дальше, чем если идти к нему с другой стороны.

Поднимаясь на эскалаторе, Леснид смотрел в лицо каждому встречному, приветливо кивал, если видел знакомого. Он надеялся

встретить кого-нибудь из Проекта, но так и не встретил.

Площадь Согласия — самая большая в Дальнем, и даже после земных городов она производила внушительное впечатление. Она была необыкновенно красива. Просто изумительно хороша — синее-синее стеклянное озеро с идеально гладкой поверхностью, на которой все отражалось. Город охватывал озеро-площадь подковой — высокие здания очень легкие, будто сооруженные на воздушных спиралях. К открытой стороне подковы примыкал зеленый лес — гордость, краса и предмет неустанных забот жителей Дальнего. Это был настоящий всамделишный лес. Не парк, не дендрарий, не роща, а именно лес, в совершенно естественном виде, хотя все, что питало, обогревало и освещало его, было искусственным. Лес молодой, но в нем уже высились молодцеватые клены, которые здесь росли почему-то быстрее, чем любые другие деревья, — недаром на гербе Дальнего вместе с Юпитером изображен кленовый лист. В лесном массиве не было никаких сооружений, кроме Дворца детей. Багровый свет искусственных солнц отражался в стеклянных гранях Дворца, и где-то там, в одном из «дворцовых покоев», Надия укладывала спать строптивую малышку. Все четыре солнца работали в режиме вечернего освещения.

За лесом пылал закатным пожаром нацеленный в черные небеса длинный и узкий кристалл здания «атмосферников». На верхушке его блестящего шпиля судорожно мерцал полярный диск системы ЭСАП — системы стабилизации атмосферного поля. Над городом возвышались несколько дисков ЭСАП, и все они были на разных высотных уровнях: чем дальше от городского центра, тем ниже, вплоть до живописных вершин кольцевого хребта лунного цирка — естественной границы самого города и воздушного пузыря искусственной атмосферы над ним. Но мерцал только полярный диск, и если пристальней вглядеться в зенит, можно было увидеть, как этот диск излучает концентрические волны слабого сияния и как они, расширяясь, скользят вдоль ионного пограничного слоя воздушного купола. Скользят и скользят неустанно дено и ночью — пульс, атмосферное сердце — биение города...

Людей на площади было немного, и Леонид уже не надеялся встретить кого-нибудь из Проекта. Он поднялся в лифте на эстакаду, и дальше его понесла лента движущегося тротуара. Здесь было ветрено — неподалеку работали воздухообменные башни. Ветер дул в спину до поворота на главную магистраль.

Магистральные тротуары, разрисованные красно-белыми полосами, двигались вдвое быстрее, но Леониду и этого казалось мало, он быстро шагал по ходу движения, нетерпеливо поглядывая в сторону здания Администрации. Когда красно-белая лента движущейся доро-

ги наконец обогнула многоступенчатый цоколь этого здания, из-за его выпуклого фасада выплыл и, заслоня полгоруда, стал надвигаться огромный стеклянный парус Ю-Центра. И рядом с ним желто-зеленым фонарем висел Юпитер. Закутавшись в полосатую шубу густой атмосферы, Юпитер глядел на Центр своих проблем сонно и равнодушно. «Нет у него никаких проблем, — подумал Леонид. — Это у нас проблемы...».

Вестибюль тридцатого этажа был пуст. Леонид посмотрел на закрытую белую дверь рабочего зала, пересек вестибюль и заглянул в салон совещаний. В салоне — глубокая тишина, никого здесь не было, экраны экспресс-информаторов были зашторены. Леонид пересек вестибюль в обратную сторону, распахнул белую дверь и еще с порога увидел Крамера. Крамер стоял к нему спиной перед пультом вспомогательного моделирования, облокотившись на спинку операторского кресла. Он что-то жевал, и у него двигались уши. На нем было темно-синее трико в обтяжку, и в этой одежде он выглядел очень тощим. Он обернулся на звук шагов, узнал Леонида, медленно выпрямился.

Они обнялись, похлопали друг друга. Крамер был буквально пропитан кофейным ароматом, и глаза у него были страшно усталые и воспаленные. Он отступил, прощупал Леонида взглядом, сказал:

— Что ж, добро пожаловать, принц Датский...

— Ты чем-то опечален, Улаф? — спросил Леонид.

— Ладно, — нехотя ответил Крамер, — не все сразу. Ты-то как?

— Я бы чего-нибудь пожевал. И заодно поговорим.

Они взобрались на высокие табуреты у откидного столика пневмораздана, и Крамер стал извлекать из цилиндра чашки, ложки, блюдца, термокофейники.

Леонид ел молча и ждал, когда Крамера, наконец, прорвет, и поглядывал в зал.

Зал был большой круглый. Посредине светился сигналами накрытый дымчатый стеклянным колпаком центральный пульт «Магистра», а вокруг — дюжина мезопультов, тоже накрытых дымчатыми колпаками, но там ничего не светилось, и колпаки казались непроницаемо-серыми. Над пультом вспомогательного моделирования голубел длинный прямоугольный экран. Вернее, сам экран был густофиолетового цвета, почти черный, а голубели на нем столбцы расчетных формул, таблицы и схематический чертеж — нечто вроде узорчатой трехлепестковой розы. Плоскость экрана виделась отсюда под острым углом, и Леонид не мог уловить смысл чертежа. За исключением чертежа здесь за три месяца ничего не изменилось.

— Безлюдно сегодня.

— Я всех разогнал, — сказал Крамер.

— Конечно. Праздник.

— Не поэтому, — сказал Крамер, схватил кофейник и долил себе кофе. У него тряслись руки. — Я разогнал всех еще позавчера. И жалею, что не сделал этого раньше.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Леонид.

— Превосходно. Я просто немного устал.

— В это можно поверить. Иди-ка ты, наверное, спать...

— Зря, что ли, я ждал тебя? Я знал, что ты непременно примчишься сюда прямо из космопорта.

— Мог ли я догадаться, что ты, бодрствуя, ждешь меня с позавчерашнего дня?

— Много чести, экселец. Просто обстановка такова, что до твоего приезда я не имел права чувствовать свою усталость.

— Теперь имеешь. Отправляйся-ка ты в самом деле спать, дружище.

— Для этого из меня придется выкачивать кофе.

— В ближайшие дни постараюсь спроводить тебя в длительный отпуск.

Крамер перестал жевать и угрюмо покосился на Леонида.

— Только попробуй.

— А что? Ты не смеешь противиться мне. Между прочим, я принял скипетр верховной власти.

— Я знаю. Следовало ожидать. Уходя, Маккоубер заявил руководству Ю-Центра, что Проект вступил в новую стадию технологической эволюции и что теперь командовать Проектом можно доверить лишь разработчикам системы «Физлер».

— Что он еще говорит?

— Когда он зашел попрощаться перед отлетом на Землю, сказал... Хочешь, повторю дословно, что он сказал?

— Давай дословно.

Крамер, мастерски копируя жесты Маккоубера и его интонацию, произнес раскатистым баритоном:

— Ну что ж, пробил час... Ухожу. Чувствую себя виноватым, но ухожу. Я сделал все, что должен был сделать. И даже то, чего делать был не должен. Да... Я очень устал. Очень... Мы породили Ютавра. Может быть, не Ютавра... В общем, странную штуку мы породили. Вы и я. Не знаю, как вы с ней справитесь. Но так или иначе, желаю вам успехов. Будьте мужчинами. Рад был знать вас и с вами работать. Да. Общий салют!..

Крамер умолок. Леонид смотрел на него ошарашенно. Крамер бросил пустую тарелку в раздан. Сказал:

— Представляешь себе? Он стоял вон там и все это нам говорил. А мы сидели за пультом и, открыв рты, все это слушали. И пока мы переваривали сказанное, он помахал нам рукой и вышел. Больше мы его не видели. Потом узнали, что Земля его отозвала и он улетел на «Анарде». Ты разминулся с ним где-то, должно быть, в районе марсианской орбиты.

Леонид заметил, что давно уже держит чашку кофе в поднятой руке, и залпом выпил крепкий напиток. Спросил:

— Что он имел в виду?

— Я бы и сам хотел это знать. Сейчас мне кажется, что он имел в виду Рой.

— Облако стержней? У тебя есть основания так думать?

Крамер сунул нос в чашку, смолчал.

Теперь Леонид был совершенно уверен: что-то произошло. Что-то такое, что угрожало разработанной системе «Физлер», нормальной работе группы, лично ему и коллективному делу. И может быть, даже Проекту в целом. Спрашивать прямо он почему-то боялся.

— Как прошел Конгресс? — полюбопытствовал Крамер, не отрываясь от чашки.

— Довольно спокойно. За исключением того, что много шумели меркуриологи, а в стане пространственников случился крупный раскол. По Юпитеру все прошло удивительно гладко.

— Гладко было на бумаге... Еще кофе?

— Давай. Конгресс благополучно закрыли, и не успели отзвучать фанфары финального торжества, как поступило сообщение из Ю-Центра о самоотставке Маккоубера. В Управлении никто ничего не понял. Послала в Дальний запрос, требуя разъяснений... Помоему, ты злоупотребляешь крепким кофе, Улаф.

— Разве? — Крамер заглянул в пустой кофейник. Отправил его в раздан. Он явно не находил, чем бы занять свои руки. Это означало, что он напился крепкого кофе до судорог. И еще означало, что чем-то очень занята его голова. — Надеюсь, им не пришлось на ум заодно потребовать разъяснений и от тебя?

— Нет. Решили собрать комиссию. Никогда прежде я не встречал такого представительного скопления бывших Ю-центровцев. Не постеснялись потребовать даже старика Иванова. Когда старик узнал о самоотставке Маккоубера, ему сделалось нехорошо. Это он предложил утвердить отставку, а самого Маккоубера срочно отозвать на Землю. Потом потянулись дни бесконечных совещаний. Проект разобрали по косточкам, обсудили со всех возможных сторон, задним числом одобрили разработку нашей системы, слегка поругали систему «Магистр», предложили еще раз продумать процесс Ю-моделирования с тем, чтобы дать дорогу новым идеям по его конструктивному улучшению. Насылу я оттуда ноги унес...

— Это неважно, — рассеянно заметил Крамер.

— Не понял, — сказал Леонид. — Что неважно?

— Все неважно. Комиссия, «Магистр» и ноги. Хорошо, что ты унес оттуда голову. Твоя голова нам еще пригодится. Мне, ребятам, Проекту. Это просто очень кстати, что ты унес свою голову...

— Бред собачий, — сказал Леонид. — Иди и приспись.

— Если б ты знал, как не хочется мне портишь тебе настроение в праздник... — Крамер поморщился. — Ты только не волнуйся.

— Выкладывай, — сказал Леонид.

— Система «Физлер» не работает...

Леонид взял ее руками за край стола и медленно стал подниматься.

— Ты только не волнуйся, — быстро заговорил Крамер. — Ну временно не работает. Все наладится, — он суетливо убирал посуду. — Система будет работать. Мы заставим ее работать...

— Давно не работает?

— Давно.

— Почему не сообщил? Я бросил бы все и вернулся.

— Там с тебя сняли бы голову, а руководителем Проекта был бы назначен кто-нибудь посторонний. Зачем нам нужен руководитель, который не смыслит в Проекте ни уха, ни рыла?

Леонид сел.

— Стратег, — оказал он. — Ну, допустим, ты прав. Но почему не работают «Физлеры»?

— Не знаю, — Крамер устало провел ладонью по лицу. — То есть, я знаю, почему не работают «Физлеры». Потому что Рой нестабилен, в нем все время идет какая-то странная перегруппировка масс и геометрических объемов. Но я не знаю, почему это происходит и, главное, как. Я пытался выяснить причину странного явления, уловить его закономерность. Я работал, как лошадь, надеясь, что к твоему прибытию успею построить его логическую модель... Ничего я не успел. Совершенно запутался и ничего больше не понимаю.

— Так, говоришь, внутри «камбалы» происходит смещение масс и объемов?

— «Камбалы»?.. — Крамер присвистнул. — Да, ведь ты же ничего еще не знаешь. Можешь ознакомиться, — кивнул на экран. — Там схема одной из стадий перегруппировки Роя.

Леонид пошел к экрану, бегом оглядел его и снова — на Крамера. Крамер кивнул.

— Не сомневайся, — сказал он и постучал себя пальцем в лоб. — Здесь у меня все в порядке. Что делать, если Рой действительно имеет такую форму? Есть и другие, более интересные, но эта форма самая характерная. Форма номер один.

Леонид пробежал глазами ряды математических выкладок, опять уставился на схему Роя. «Камбалы» больше не существовало. На схеме были три группы ступков. Группы расположены по правилу трехосной симметрии. В каждой группе по три ступка...

— На выкладки не обращай внимания, — посоветовал Крамер и тоже поднялся. — Это частные случаи перегруппировок Роя. Общую формулу я не...

— Улаф, — глухо проговорил Леонид. — Трижды три... Сколько это будет?

Крамер подошел ближе.

— Трижды три будет девять, — сказал он и почесал за ухом.

Леонид молча разглядывал схему. Крамер тоже уставился на экран. Они постояли рядом. Потом Крамеру надоело, и он сказал:

— Модель кинематическая.

Леонид не ответил.

— Модель кинематическая, — повторил Крамер, пожал плечами и склонился над пультом.

Сгустки на схеме плавно перегруппировались, и схема приняла новую форму. Затем эту форму сменила другая; схема все время менялась с калейдоскопической быстротой, но плавно; формы иногда повторялись, и чаще других на экране мелькала форма номер один. Как только новая форма входила в стадию завершения, Рой выглядел симметричным, и в нем было непременно девять сгустков.

— Вот видишь, — сказал Крамер. — Разве «Физлеры» могут нормально работать в таких условиях? Это не «камбала».

— Вижу, — сказал Леонид.

— Я не мог найти общую закономерность перегруппировок масс и объемов. Пока не будет «Физлерам» новой программы, нам не угадать за текучестью форм. Как было все просто, когда была «камбала»!..

— Понятно, — сказал Леонид.

— Ты думаешь, я не пробовал сбить Рой в однородную кучу «Слонами»? Пробовал. После этого Рой научился переливаться из одной точки пространства в другую.

— Научился?.. — переспросил Леонид.

Крамер пристально посмотрел на него. Леонид следил за игрой схематических форм. Крамер сказал:

— Я промоделировал всего лишь несколько стадий. Это уже идет повторение. А вообще-то нет им числа... — Он потянулся к пульту.

— Пусть идет, — остановил его Леонид. — Каков временный интервал изменения форм?

— Около двенадцати часов. За каждый оборот вокруг планеты — новая форма. Или мы научимся предсказывать форму Роя хотя бы на один оборот вперед, или...

— Да, — сказал Леонид. — Хорошая была система «Физлер» Жаль...

— Ты что!.. — ошарашенно выдохнул Крамер. — Хочешь так просто отказаться от родного детища?!

— Отчего же «просто»? С глубочайшим прискорбием.

Леонид побрел к противоположной стене зала, широкая стеклянная площадка которой была частью прозрачного фасада здания, и посмотрел на город с высоты тридцатого этажа. Искусственные солнца были погашены, и город утопал в разноцветном море огней праздничной иллюминации. Сегодня даже купола энергетических станций, видневшиеся за вершинами хребта, были разукрашены ярко-

зелеными полосами. На вершине здания Администрации пылала огромная пурпурная цифра «двадцать».

— Значит, так... — проговорил Крамер. — Значит, вся моя трехмесячная работа Юштеру под хвост? Так понимать?

— Нет. Понимать так, что поработал ты очень полезно. Спасая систему «Физлер», ты доказал ее нежизнеспособность. Маккоубер прав: Проект вступил в какую-то новую, неожиданныю для нас стадию своей технологической эволюции. Мы рассчитывали, что дело закончится сравнительно стабильной «камбалой», и придумали для нее «Физлеры». Дело закончилось Роем и этой вот калейдоскопной свистопляской... — Леонид, не оглядываясь, показал через плечо в сторону экрана. — А может быть, даже еще не закончилось. Будем мужчинами, Улаф. Очевидно, от нежизнеспособной системы надо отказываться и немедленно браться за поиски чего-то принципиально нового. Давай трезво оценивать ситуацию. «Камбалы» больше нет, «Физлеров» нет. Есть Рой и есть общечеловеческая потребность успешно развить Ю-Проект. Нужны идеи.

— Нет у меня идей! Понимаешь? Стал бы я спасать систему «Физлер», если бы у меня была хоть одна самая малюсенькая идеяка!.. Нет их у меня!

— Идеи будут, — спокойно сказал Леонид.

— А! — воскликнул Крамер. — Ну это другое дело.

Они помолчали. Стоя рядом, почти касаясь друг друга, смотрели на город. Леонид спросил:

— Скажи мне, Улаф, ты когда-нибудь видел необычные «космические» сны? Будто ты на незнакомой планете, и будто это очень реально?..

— И будто я в плену у трехголовых аборигенов, и будто прекрасная дочь вождя этого племени освобождает меня, и будто мы влюбляемся друг в друга с первого взгляда, и я теряюсь, не зная, в какую голову мне ее целовать. Ты мне зубы не заговаривай. Что будем дальше делать с Проектом?

— Прежде всего нужно выяснить, что по этому поводу думал сам Маккоубер. О состоянии Проекта он знает нечто такое, чего пока не знаем мы.

— Один момент!

Крамер сбегал к своему рабочему столу и быстро вернулся, протягивая Леониду ключ.

— От сейфа Маккоубера, — пояснил Крамер и демонстративно отряхнул руки ладонь о ладонь. — Покопайся в его отчетных бумагах и увидишь, что он знал, а чего не знал.

— Ты копался?

— Я слишком ценю свое время. Меня больше интересует сам Рой, чем то, что думает о нем Маккоубер.

— А я думаю... Пока ты изучал динамику Роя, Маккоубер заглянул глубже, в самую

суть проблемы. И то, что он там увидел, заставило его принять решение уйти из Проекта. Ты хорошо знаешь, что значит для Маккоубера уйти из Проекта. И если он не мог не уйти... — Леонид повертел ключ и спрятал в карман. — Ладно. Бумаги я, разумеется, посмотрю потом — это долгая песня. Мне кажется, есть более короткий путь.

— Не обольщайся. Рой — крепкий орешек.

— Рой — брэнное тело Проекта. Душа Проекта — Маккоубер.

— К черту Маккоубера! — взорвался Крамер. — Душа Проекта ни разу даже не полюбопытствовала, чем мы тут занимаемся без тебя! Неужели ты близорук и не видишь, что Маккоубер выдохся?!

— Прекрати. Это был крупный ученый.

— Вот именно: был! Последнее время мы работали, в сущности, без его руководства. Это я никому не в упрек, но объективности ради. Мне неприятно говорить такое за спиной Маккоубера, но ты меня вынудил на откровенность.

— Другими словами, ты думаешь, что причина теперешних затруднений...

— Нет уж, уволь, — перебил Крамер. — Я не обязан думать об этом. Ты обязан, ты у нас теперь Маккоубер. Вот ты и думай. И думай, пожалуйста, вслух, мне тоже будет небезынтересно.

— Да, — сказал Леонид, — Маккоубер не очень-то благосклонно воспринял нашу идею собрать стержни в единое облако...

— Почему ты вспомнил об этом?

— Я, видишь ли, думаю вслух, если угодно.

— Выноват, — извинился Крамер. — Продолжай. Сейчас ты чем-то ужасно похож на Маккоубера.

— Вероятно, уже тогда он опасался, что огромная масса стержневых носителей информации, приобретаая компактность, может в один прекрасный момент изменить свои качества. Он одобрил нашу систему не раньше, чем у него появилась обоснованная надежда, что условий для перехода количества в новое качество быть не должно.

— Его успокоил мой подсчет расстояний между стержнями в будущем облаке.

— Да, расстояния были солидные, и Маккоубер дал нам зеленую улицу. А потом... Потом я заметил, какой у него был испуганный вид, когда он разглядывал записи «гравитационных мерцаний» только что созданной «камбалы».

— «Мерцания»? — удивился Крамер. — Ты меня развеселил. При чем здесь «мерцания»?..

— Весело, не правда ли? Никому, кроме Маккоубера, а в голову не пришло, что эти «мерцания» — первые признаки возможной самоорганизации облака. Он похолодел от ужаса, когда узнал о «мерцаниях», а нам очень весело. Ну, разве не весело, что его опасения блистательно оправдались и мы по-

лучили себе в назидание великолепный образец самоорганизующейся системы, в просторечии — Рой? И надо полагать, основное веселье еще впереди. Судя по всему, эта система обладает немалым запасом технологической свободы самостоятельных действий. Самостоятельных и, видимо, теперь уже непредсказуемых...

— Ладно... Я, например, сделал все, чтобы найти возможность предсказывать поведение Роя.

— Если Крамер такой возможности не нашел, значит ее попросту не существует. Я неплохо осведомлен о математико-аналитических способностях Крамера. — Леонид побарабанил пальцами в стекло, спросил: — Маккоубер предпринимал попытки повлиять на Рой?

— Ключ от сейфа у тебя в кармане.

— В отчетах будем копать потом. Можешь не сомневаться, как только выплывешь, я тут же усажу тебя за пульт аналитической машины. А сейчас изволь ответить на мой вопрос.

— Ну как он мог влиять на Рой? А главное — чем? Едва появились первые сгустки, он приказал нам распылить их «Слонами» в однородное облако. И уж если «Слоны» оказались бессильны... — Крамер развел руками. — А ты говоришь «повлиять». Скорее эта неудачная попытка повлияла на наши с Маккоубером отношения. Он словно забыл дорогу в этот зал, а нас вообще перестал замечать. Два раза летал он с Дэном Фростом непосредственно к месту событий и каждый раз возвращался еще угрюмее, чем улетал. Помоему, он решил, что мы загубили Проект, и подал в отставку.

— Это по-твоему. Если бы он так решил на самом деле, он спустил бы с нас шкуру — с меня и с тебя в первую очередь и заставил бы исправить положение. Чужие ошибки всегда кажутся исправимыми. Я думаю, Улаф, когда Маккоубер произносил слово «Ютавр», он довольно отчетливо представлял себе его смысл...

— Кентавр, Минотавр, — рассеянно дополнил Крамер. — Если произнести мою фамилию наоборот, получится Ремарк. Магия слов или словесная эквилибристика, и сколько угодно скрытого смысла... Чем тебя насторожило слово «Ютавр»?

— Маккоубер мог подать в отставку только в одном случае, Улаф: если был убежден, что допустил ошибку сам. — Леонид взглянул в ошеломленные глаза Крамера и добавил: — Или еще хуже, если был убежден, что погубил Проект собственными руками. Но как бы там ни было, Рой все-таки существует, и надо искать способ заставить его отдать нам Ю-информацию! Точка!

Крамер шумно перевел дыхание.

— Ну, почему я так люблю оптимистов?.. — с грустным недоумением спросил он пространство, пожимая плечами.

Белая дверь открылась, и в зал вошла На-

дня. Леонид увидел ее и ощутил, что вместе с ней в зал вошел праздник, о котором они тут с Крамером позабыли. Во всем ее облике была какая-то неузнаваемая новизна, и Леонид, поспешивший навстречу, не сразу понял, в чем дело, и только не в новой прическе и даже не в новомодном светящемся платье, а в том, что трехмесячный срок без нее — это слишком жестокая и совершенно несправедливая штука...

Она первая вспомнила, что здесь они не одни, посмотрела в ту сторону, где стоял Крамер, глядя сверху на город, и сказала ему:

— Здравствуй, Улаф! — И когда он обернулся, она помахала рукой, добавила: — С праздником!

И Крамер церемонно ей поклонился.

Крамер проводил их взглядом. У двери Леонид задержался и виновато на него посмотрел. Надия крикнула:

— Мы будем в Зимней Пирамиде, Улаф! Приходи побыстрее!

Крамер пожал плечами и сделал в воздухе неопределенный жест.

5

В Зимней Пирамиде было очень светло. В зените пирамидальной верхушки на огромной высоте сияло по-летнему яркое, теплое солнце. На синих стенах инеем сверкали белые морозные узоры, посередине зала в окружении фонтанов и голубых елей блестел в бассейне обросший сосульками айсберг. Айсберги, изрешеченные широкими полостями гротов, громоздились в каждом углу пирамиды, а в гротах медленно вращались круглые платформы. Вихрь карнавального танца втянул Леонида и Надию в центр. Веселый шум плескался в зале волнами серпантинных лент, выпался сверху блестящим дождем конфетти, вспыхивал звездами увеселительных огней. Больше половины танцующих были в масках.

Потом Надия немного устала, они покинули танцевальное поле, вышли к эстрадным площадкам.

— Взгляни-ка туда!.. — Надия тронула Леонида за рукав и показала на медленно вращающуюся платформу кафе «Ледяной грот».

Леонид посмотрел. На платформе было несколько свободных столов.

— Если ты успела проголодаться, идем поужинаем, — сказал он.

— Ты не понял. Там Фрост, ведь ты хотел его видеть.

Стол, где сидел Дэн Фрост, находился у края платформы, и край этот успел продвинуться глубоко под нависающий массив «ледяной» горы. Стеклопанная облицовка грота мягко светилась зеленым, но после ярого света в зале было такое впечатление, будто здесь полумрак. Рядом с Фростом Леонид взглядел темноволосую смуглую девушку

в черной полумаске. Дэн что-то ей говорил, и она негромко смеялась. Смех казался знакомым, но у Леонида была хорошая зрительная память, и он мог бы поклясться, что никогда раньше эту девушку не встречал. Дэн увидел Надию, потом Леонида, поднялся навстречу. Это был плотный, коренастый человек, довольно неуклюжий на вид, с непропорционально большими руками, — один из лучших пилотов-барражировщиков системы Юпитера.

— Леонид Русанов, Надия, — хриловато сказал он, представляя гостей своей собеседнице.

Девушка сбросила полумаску и представилась сама:

— Кариола.

Леонид посмотрел на нее, но ничего не сказал.

На столе были четыре бокала, темная бутылка шампанского и плетеная корзинка с фруктами. Дэн куда-то исчез и быстро вернулся с двумя бокалами для гостей.

— Разве мы не станем ждать Бриггиту? — спросила Надия.

— Бриггита здесь, — ответил Дэн, откупоривая бутылку. — Она пошла потанцевать с Георгом. Сейчас они подойдут. Да, ведь ты же не знаешь, — обратился он к Леониду, — нашей группе дали еще двух пилотов-барражировщиков. Георг — один из новеньких. Ему приходится сегодня разрываться надвое, танцевать то с Бриггитой, то с Кариолой. Из меня танцор никудышный, вот он и празднует с перегузкой. — Дэн улыбнулся, наполнил бокалы.

Край платформы выехал из грота, и теперь стол медленно продвигался вдоль танцевальной площадки. Леонид заметил Бриггиту, а рядом с ней человека, который уступил ему сегодня кабинку видеотектора. Леонид его сразу узнал по пшеничным усам. Бриггита чмокнула Леонида в висок — «С возвращением!» — и заговорила с Надией. Дэн представил Юрия Двинского и Леонида друг другу.

— Мы уже знакомы, — сказал Леонид.

— Да, — сказал Юрий. — У меня сегодня день неожиданных встреч. С Кариолой, теперь вот с вами...

— И у меня, — сказал Леонид, — день неожиданных встреч. С Кариолой и теперь вот с вами...

Кариола удивленно посмотрела на него.

— Вы из экипажа «Ариадны», — сказал он.

— Да, — подтвердила она. Было видно, что она пытается что-то припомнить.

— Ну, вот мы и встретились на незнакомой планете...

— Вот как! — сказала она и весело рассмеялась. — Значит, вы и есть тот самый пассажир из двадцать первой каюты, за которым гонялись бесхвостые львы!

— Тот самый.

Глаза Бригитты зажглись любопытством.

— Лео, ты должен нам все рассказать.

— Непременно, — заверил ее Леонид. — Но не сейчас. Это очень длинная история. — Он встретил умоляющий взгляд Дэна Фроста и поднял бокал. — Я предлагаю тост за всех присутствующих!

— Да, — сказал Дэн и тоже поднял бокал. — Учите, шампанское выдыхается. За всех присутствующих! За тебя, Лео. С возвращением!

Леониду не терпелось начать разговор с Фростом.

— Послушай, Дэн, в мое отсутствие ты дважды летал с Маккоубером в сторону «камбалы».

Дэн быстро взглянул на него и опустил голову.

— Да, — сказал он. — Только никакой «камбалы» там уже нет... — он покачал пустой бокал. — Там сейчас творится какая-то чертовщина...

Леонид ждал, что он добавит что-нибудь еще. Дэн ничего не добавил.

— Когда летали в первый раз, как выглядело облако? — спросил Леонид.

— «Камбала» еще существовала. Правда, облако уже не было однородным, в нем появились веретенообразные густки, и оно сильно распухло — пожалуй, увеличилось раз в пять. Летали мы на «Шкоде ЮП-115», номер десятый. Ну, помнишь, та, на которой стояла аппаратура для записи «гравитационных мерцаний»? Маккоубер распорядился доукомплектовать эту «Шкоду» какой-то новой аппаратурой. Мы долго барражировали вокруг облака, несколько раз прошли его насквозь туда и обратно. Инерционным ходом, конечно. Маккоубер включил все регистраторы, мы болтались там почти двое суток, он вел наблюдения, что-то записывал, потом совсем обессилел и приказал возвращаться.

— Тебе случайно не запомнилось, что такого он говорил в этом полете?

— Он был на редкость молчалив, иногда ругался.

— Ругался? Маккоубер? Как он ругался? Повтори. Любопытно.

— Ну... он проклинал Крамера. В общем... — Выкладывай, не стесняйся.

— Ну, в общем... Крамера, тебя и тот «четырежды проклятый день», когда он, якобы, дал себя одурочить тысячу раз проклятой системой «Физлер». Но ведь это он не по злобе, ты же его хорошо знаешь. Просто он был чем-то очень расстроен и, по-моему, даже напуган. И, наверное, было с чего. Потому что, когда мы сунулись в облако через неделю, я и сам испугался...

— Да? Маккоубер опять наблюдал и записывал? Вы летали на той же десятке?

— Да, на той же десятке, но Маккоубер ничего не записывал. Он был мрачен и на свою аппаратуру уже не обращал внимания, предпочитая наблюдать за облаком визуально.

— Вот как? Визуально!.. Чего же ты испугался?

— Пожалуй, мне будет трудно тебе объяснить... Это нужно увидеть.

— Я что-то не улавливаю смысла ваших с Маккоубером прогулок в сторону облака. Сначала он, не падая живота своего, проводит двухсуточные наблюдения за состоянием облака, хотя наблюдать и записывать можно было дистанционно. Затем вы совершаете второй бесцельный полет. Прогуливаетесь, так сказать, за несколько миллионов километров, чтобы полюбоваться на облако «визуально»!..

— Судя по всему, — возразил Дэн, — второй полет не был для Маккоубера бесцельным. Во всяком случае, мне показалось, что он возлагал на эту затею большие надежды.

— Не понял. Какая затея?..

Дэн взглянул на него.

— Затее со стержнями. Разве ты не в курсе?

Леонид почувствовал себя в тунике.

— Между прочим, — сказал он, — прошло всего пять часов, как я вернулся.

— А... — сказал Дэн, на его лице отразилось некоторое замешательство. — Я думал, ты в курсе насчет того, что мы с Маккоубером сбросили в облако стержни...

— Погоди, погоди!.. — перебил Леонид, устало потирая лоб. — Давай по порядку. Значит, вы сбросили стержни в облако стержней? Ты что-то путаешь, Дэн. Ты хотел, очевидно, сказать, что вы с Маккоубером вылавливали стержни?

— Я хотел сказать то, что сказал. И ничего я не путаю. Я ведь тебе говорил, что мы летали не на «Муфлоне». Ловить стержни на «Шкоде» — это все равно, что собирать клубнику собачьим ошейником. Ты требуешь от меня слишком многого, Лео. Если Маккоуберу приходит на ум фантазия вернуть в облако две тысячи стержней, я по его приказу выстреливаю эти стержни в центр облака из пневмосбрасывателя и не спрашиваю, для каких таких целей начальству это понадобилось.

— Да, верно... Извини. Вы брали стержни из склада на Амальтее?

— Нет. Маккоубер привез стержни в контейнере на космодром. Я слышал, как двое сопровождающих Маккоубера парней ворчали, что им пришлось тащить контейнер от Ю-Центра.

— Кстати, вы занимались отловом стержней в мое отсутствие?

— Нет, Лео. После того, как увели всех «Физлеров» на Амальтею, в облако никто, кроме нас с Маккоубером, не сбавлял.

— Видишь ли, Дэн... дело в том, что в Ю-Центре никогда не было такого количества стержней. В Ю-Центре они не нужны. Разве что — несколько штук для наглядности...

— Ты слишком многого от меня хочешь, — повторил Дэн. — Маккоубер говорил о двух тысячах стержней. Да я и сам видел, что их

было никак не меньше, полный контейнер. Тяжелый такой контейнер, из металла, цилиндрический, и на крышке выдавлена полукругом надпись: «ЭЮ-проект, экспериментальный сектор»... Что с тобой, Лео.

Леонид крепко зажмурил глаза, обхватил голову руками. Со стоном процедил сквозь зубы:

— «Экспериментальный отдел»!

Он понял, о каких стержнях шла речь, и почувствовал, как на него рушатся зеленые стены айсберга.

Он встал, сказал Дэну, что скоро вернется, спрыгнул с платформы, протолкался сквозь праздничную толпу, выбежал из Пирамиды и бросился к Ю-Центру кратчайшей дорогой. Тяжело дыша, выскочил из лифта на двадцать восьмом этаже, пробежал коридор, ворвался в полутемное фойе, в котором мелькали цветные объемные образы стереовидения. Среди этого призрачного мелькания он с трудом разглядел дежурного по этажу, белобрыйго парня по имени, кажется, Арнольд, по фамилии Комов.

— Здравствуйте, — испуганно сказал дежурный, выключил стереовизор, в фойе стало светло, и Леонид, все еще тяжело дыша, нетерпеливо спросил у Комова шифр замка пятой двери архивного склада экспериментального отдела. Комов шифра на память не знал, полез в стол за каталогом, отыскал нужный шифр и спросил, что случилось. Леонид не ответил. Они подошли к архивному складу, и белобрыйсый долго мудрил с комбинациями цифр на замке. Дверной механизм поскрежетал, но не сработал.

— Наверное, заело, — поделился предположением Комов.

Леонид его отстранил, налег на дверь плечом. И едва сохранил равновесие: дверь вовсе не была заперта. Автоматически включилось освещение. Два года хранились здесь тысяча восемьсот никому не нужных экспериментальных стержней... Стеллажи были голые. Леонид стряхнул пыль с рукава. В дверном проеме стоял, растерянно моргая, белобрыйсый дежурный. Леонид потрепал его по плечу и направился в кабинет Маккоубера.

За три месяца здесь ничего не изменилось. Два длинных стола и один полукруглый — рабочий стол самого Маккоубера: большой, во всю стену, экран экспресс-информатора; глобус Юпитера — желто-зеленый приплюснутый шар, усеянный красными точками — области дислокации «Мамонтов». Леонид подошел к столу, сел в кресло и только теперь заметил белый конверт, надписанный знакомой рукой. Конверт был адресован ему. Леонид вскрыл его.

«Поздравляю с новым назначением, желаю успеха. Передаю Проект в твои руки и очень прошу: с Ютавра глаз не спускай. Действуй по собственному усмотрению, ибо подсказки ждать тебе неоткуда. Перед тобой оправдываться не стану, посмотришь отчеты —

поймешь. Рой находился на грани распада, стукти надо было чем-то объединить, и мне пришлось решиться на дьявольский эксперимент. Я не имел права этого делать без согласования с Управлением и, с другой стороны, не имел права терять время на затяжные переговоры с Землей. Надеюсь убедить своих коллег в процессе личной беседы. Желаю успеха».

Леонид отложил письмо, вынул ключ. Посмотрел на сейф, подумал, что это сейчас уже ни к чему, и бросил ключ в ящик стола. Все было ясно...

В кафе за столом никого не было. Леонид огляделся, спрыгнул с платформы, и его окликнул издали голос Надии. Они стояли и ждали его. Все были в полумасках, кроме Дэна. Надия сказала, что сейчас погасят солнце, раздвинут стены и будет праздничный фейерверк.

И действительно, солнце начало меркнуть, погасло, и стены стали медленно расходиться, как раскрывающийся бутон. В зале вспыхнуло нижнее освещение, а наверху разверзлось черное звездное небо. Стены продолжали расходиться четырехлепестковым цветком, и появился полосатый диск Юпитера. Музыка смолкла, люди замерли, подняв головы вверх. Леонид взглянул на Дэна. Дэн, скрестив на груди тяжелые руки, задумчиво улыбаясь, смотрел на Бриггиту.

— Не туда смотришь, — негромко сказал Леонид. — Держи равнение на Юпитер.

Где-то очень высоко, в самом зените, появилось кольцевое туманное пятнышко, быстро наполнилось ярким сиянием и вдруг бесшумно взорвалось цветными султанами длинных огней. В зале все разом заговорили, запели, задвигались, а в небе творилось что-то немислимое, извивались огненные узоры, мерцали пламенные полосы, взрывались сверкающие облака лучистых звезд.

— Значит, летим? — спросил Дэн.

— Да, — сказал Леонид. — Это необходимо...

— Сразу после праздников?

— Нет, — Леонид обнял его за плечо, отеснил немного в сторону. — Ты будешь приятно удивлен. Мы летим завтра.

У Дэна вытянулось лицо.

— Завтра?..

— Совершенно верно. Я тебя отлично понимаю, но мы должны вылететь завтра. Ну, а сегодня... Сам понимаешь, Бриггитте ни звука...

Дэн посмотрел на Бриггиту, вздохнул. Посмотрел на Юпитер.

Надия обернулась, и Леонид увидел ее зеленые глаза, глядевшие на него сквозь прорези полумаски внимательно и понимающе. Он улыбнулся в ответ, а по спине прошел холодок. Он представил себе, как скажет ей завтра то, что сейчас говорил Дэну Фросту. «Понимаешь ли... Это просто необходимо». — «Понимаю...» — ответит она и опустит глаза.

«Но, если ты имеешь что-нибудь против, я могу отменить свой полет». — «Нет, отчего же, не надо. Правда, так будет лучше». Она умница, она понимает, что так будет действительно лучше...

6

Леонид закончил просматривать результаты математической обработки Крамеровских наблюдений и потянулся было к отчетам Маккоубера, но в кабину вошел Дэн и объяснил, что Юпитер уже на носу и пора готовиться к траверз-маневру.

— Быстро, — сказал Леонид, собирая отчеты.

— Преимущества новой техники, — сказал Дэн. — Это тебе не «Шкода» и не «Сузуки». «Тайфун» — хорошая скоростная машина.

— Прекрасная машина, — согласился Леонид. — И комфортабельная. Очень удобно летать без скафандра.

— Нет, — возразил Дэн. — Скафандры придется надеть.

В тесном отсеке они помогли друг другу забраться в скафандры.

— Закрой гермошлем, — сказал Дэн.

Леонид закрыл.

— Связь? — спросили наушники голосом Дэна.

— Есть. Слышу тебя отлично.

— Давление воздуха?

— Есть. Полусуточный запас. Можно подумать, что ты затеваешь десантную операцию или что-нибудь в этом роде.

— Можешь открыть гермошлем. Нигде не жмет?

— Немного в плечах. Ощущения черепахи в панцире не своего размера.

— Потерпишь.

— Конечно. В общем-то я терпеливый.

Коридор был узкий, пройти в пилотскую рубку можно было только по одному, и Дэн в белом скафандре проворно двигался впереди. Не задерживаясь, он с ходу нырнул в наклонную горловину овального люка, и когда Леонид протиснулся в рубку, Дэн уже сидел в кресле первого пилота, слева, и застегивал на себе ремни. Леонид устроился в кресле второго пилота, справа. Кресла были одинаковые: высокие, чуть наклонные спинки, широкий разворот подлокотников с мягкими желобами для рук, а на концах подлокотников было что-то наподобие рукояток автоматических пистолетов — по три рукоятки на каждом конце, и держаться за них, наверное, было бы очень удобно. Леонид осторожно потрогал.

— Мне ничего здесь не трогать? — спросил он.

— Сколько угодно, — пробормотал Дэн.

— Так... Значит, дубль-система ручного управления отключена, и первый пилот полностью монополизировал управление катером.

— Не говори мне, что это тебя удручает, — пробормотал Дэн. — Плохо слышу, включи скафандровую связь и проверь крепления ремней.

Леонид включил и проверил.

— А если у тебя случится приступ радикулита? — спросил он.

— Не знаю, — ответил Дэн. — У меня еще ни разу не было приступа радикулита.

— Ты какой-то сегодня... Ничем тебя не проймешь.

— Просто я не в восторге от нашей затеи. Сначала Маккоубер барражирует в облаке с известным тебе результатом. Теперь и тебя туда потянуло... А я гоняю катера взад и вперед и каждый раз не знаю, чем это кончится.

— Включи, пожалуйста, передний обзор. Летим, как вслепую.

— Почему вслепую? Летим, как положено, по приборам. Не надоело еще смотреть на Юпитер? — Дэн чуть повел кистью левой руки.

На экране переднего обзора словно распался темный занавес, и Леонид на секунду зажмурился.

— Ух, ты!.. — сказал он. — Папаша совсем уже рядом.

Катер шел на Юпитер с солнечной стороны, и перламутровый блеск бело-зеленых, бело-голубых, нежно-розовых, желтых и кремовых облаков огромного шара немного слепил. Облака охватывали планету-гигант оплывающими поясами.

— Ну вот, — сказал Леонид, — поздоровались. Теперь можешь выключить, если тебя отвлекает.

— Ладно, — сказал Дэн, — ничего... — голос у него стал мягче. — А то, действительно, как вслепую. — Помолчал и добавил: — Даже Папаша сегодня весь какой-то праздничный...

Леонид неотрывно смотрел на Юпитер. Он обратил внимание на плывущий по ухабистым волнам облачного массива черный теневой кругляк и по его размерам догадался: тень от Ганимеда. Он поискал тень от маленькой Амальтеи, не нашел и подумал, что Амальтею, возможно, придется искать с ночной стороны. Значит, Рой можно будет увидеть только локатором.

— И где-то там пасутся наши «Мамонты», — проговорил Дэн.

— И дают молоко.

— Прокисло наше молоко... — сказал Дэн.

— Что делать, — сказал Леонид. — Это вы с Маккоубером позаботились о закваске.

— Две тысячи стержней?

— Да.

— Никак в толк взять не могу, — признался Дэн. — Рой получает в сутки более десяти миллионов стержней. И вдруг как-то несчастные две тысячи...

— Это были не простые стержни, Дэн. На стержнях из экспериментального отдела, которые вы с Маккоубером подбросили в стаю,

была записана информация о том, что делается в глубинах наших мозговых извилин.

Дэн присвистнул.

— Да-а-а... — протянул он. — Действительно... но откуда Маккоубер выкопал эти стержни?

— Когда мы проектировали систему «Физлер», нам нужно было отработать метод съема информации с полученных от «Мамонтов» стержней. Система «Физлер» должна была быть способна снимать со стержней информацию любой, даже самой высокой, сложности. Вот мы тогда и решили принять за эталон Ц-информацию. То есть ту информацию, которую с помощью специальной медицинской аппаратуры мог дать нам наш собственный мозг.

— И вы ее, значит, на стержни... Эту Ц-информацию?

— Да. Ведь трудно было придумать что-либо сложнее, чем Ц-информация. И мы ее, значит, на экспериментальные стержни... Ну, отработали систему дешифровки на «Физлерах» и сдали Ю-стержни на склад за ненадобностью. А совсем недавно группа злоумышленников — некто Маккоубер, Дэн Фрост и еще какие-то две неопознанные личности — похитила стержни и тайно провела известную тебе диверсионную операцию под кодовым названием «Ютавр». Вот и весь детектив.

— Так уж и весь?... — усомнился Дэн.

Он тронул что-то на лицевой панели радиостанции, и в наушниках тонко и нежно защебетало: «киу-киу, фью-фью, киу-киу, фью-фью...»

— Что это? — спросил Леонид.

— Радиомаяк на Ио. Новые позывные.

Сплюснутый шар Юпитера на экране заметно попрос. Впрочем, ощущение его шаровидности постепенно стало теряться, планета теперь казалась больше похожей на огромный выпуклый щит.

— Ты рассказал мне первую часть детектива, — напомнил Дэн. — Чего ради Маккоуберу понадобилось подкармливать «камбалу» Ц-стержнями?

— Видишь ли, Дэн, здесь мы вступаем в область догадок... Тебе любопытно?

— Еще бы! Ведь все ваши сумасшедшие идеи у меня... — Дэн похлопал себя по заднему шлему, — вот они где.

Леонид помолчал, раздумывая.

— Видишь ли, Дэн... — повторил он. — Возьмем, к примеру, обыкновенное облако обыкновенной пыли. Пока оно не очень большое, мы к нему, в лучшем случае, снисходительны. Когда оно предстает перед нами в других масштабах, ну, скажем, в масштабе газо-пылевого скопления в одном из уголков нашей галактики, мы начинаем к нему относиться с почтением. Потому что мы хорошо понимаем, что видимость стабильности и однородности такого скопления — сплошное надувательство, поскольку в этом сверхоблаке не-

устанно формируются довольно крупные космические объекты.

— При чем здесь Маккоубер, Ц-стержни и «камбала»?

— Не торопись. Для того, чтобы понять действия Маккоубера, нужно как следует уяснить себе ситуацию. Конечно, то, о чем я говорил, всего лишь грубая аналогия... Или, лучше сказать — приближительная модель нашей ситуации. Мне важно было дать тебе понять, как много зависит от существующих точек зрения на те или иные вещи. Мы смотрели на «камбалу» снисходительно, как на стабильное и однородное облако стержней. Маккоубер смотрел на нее с почтением и тревогой. Поэтому Маккоубер первым из нас заметил, что «камбале» надоело быть просто однородным скоплением стержней, и она вдруг стала проявлять опасную наклонность к самостоятельному изменению своей структуры. Сначала это были «гравитационные мерцания», потом дело дошло до формирования внутри «камбалы» огромного количества хаотически перемещающихся сгустков.

— Я видел их, — сказал Дэн. — На экране локатора. Одни из них формой были похожи на огурцы, другие — на веретена. Длинные такие, размерами, пожалуй, с наш катер, а то и побольше. Я удивился, каким это образом они ухитряются довольно резко перемещаться с места на место, и спросил Маккоубера...

— Что он ответил?

— Он так посмотрел на меня, будто я оскорбил его бабушку, и сказал, что ему абсолютно плевать на проклятые способы их проклятых перемещений. И тут же добавил, что, если стая «огурцов» надумает вдруг разлететься в разные стороны, Проекту — крышка. Потом он приказал мне выбросить в стаю Ц-стержни. Я выбросил. И больше мы к этому разговору не возвращались.

— Все правильно... — задумчиво проговорил Леонид. — Ты требовал от него объяснений, которые дать он, конечно, не мог.

— А ты бы мог?

— Нет. Пока нет. Я могу лишь догадываться... Но одно ясно: во всем повинен комплекс сцифических условий существования облака. И на особом подозрении — электромагнитные и гравитационные поля планетного и космического происхождения. Ну и, конечно, мощные потоки заряженных частиц, излучений. Вполне вероятно участие низких температур. А если учесть, что, кроме всего прочего, это скопище стержней до предела насыщено неизвестной нам информацией... Тут остается лишь развести руками.

— И подать в отставку, как это сделал Маккоубер, — не удержался Дэн.

Леонид смотрел на выпуклый щит планеты. Щит сильно разбух. Разглядывая пухлый рельеф облачного покрова, Леонид подумал, что Юпитер похож сейчас на облако цветного дыма.

— Ты несправедлив к Маккоуберу, Дэн. Маккоубер гений. Гений Проекта. Не знаю, хватило ли бы у меня духу сделать то, что сделал он, спасая Проект...

— Ц-стержни?

— Да. Он рискнул создать противоестественную смесь Ц-стержней с Ю-стержнями. Очевидно, надеялся, что Ц-информация сыграет роль своеобразного цемента, который сумеет объединить скопище стержней в единое целое. Ему повезло, он создал Рой — весьма загадочную для нас сверхсистему...

— Он создал чудовище, — проворчал Дэн.

— Он создал Ютавра. Как бы там ни было, Маккоубер добился своего. «Огуречная» стая была на грани распада — ты ведь сам говорил, что она раздулась в объеме раз в пять больше обычного. Разлетелись бы наши «огурчики» и «веретенца». Ютавр, конечно, игровое и очень непонятное созданыще, но зато какое компактное! Единый, цельный организм. И главное, видимо, универсальный. Содержит в себе информацию о Юпитере и, кажется, не брезгует информацией из Большого Космоса. Был у меня однажды случай убедиться в этом.

— То-то я смотрю, у тебя сегодня отличное настроение... — сказал Дэн. — Уж не хватило ли ты через край?

Леонид рассмеялся.

— Однажды то же самое сказали Маккоуберу, когда он задумал сбросить в Юпитер полмиллиона «Мамонтов».

— А... Ну, в таком случае остается выяснить, что теперь задумал ты.

— Если идею Маккоубера можно было назвать одним словом «количество», то мою теперешнюю идею, пожалуй, стоило бы помануть словом «качество». Я задумал установить с Ютавром прямой контакт. Другого выхода нет. И никакие «Физлеры» здесь не помогут. Сверхсистема «Человек» и сверхсистема «Ютавр» должны занять друг с другом «обратную связь». Я еще не совсем отчетливо себе представляю, как это будет, но это будет. Понял?

— Понял. Как не понять... Летим, значит, называться в друзья сверхсистеме «Ютавр». Чего уж тут непонятного...

Леонид задумчиво улыбался.

— Ты сегодня очень покладист, дружище, — сказал он. — Спасибо. Однако навязываться им повременим. На сегодня у нас запланировано только шапочное знакомство.

В наушниках раздался громкий писк и чей-то голос позвал:

— «Тайфун» двадцать пять! Я — диспетчер Ио, я — Ио, отвечай, «Тайфун», отвечай!..

Дэн с укоризной произнес:

— Эральдо, Эральдо! Я давно оставил тебя на правом траверзе. Каким образом ты умудрился проспать такое событие?

— Ну и чего шумишь на всю Систему? — спросил Эральдо. — Может быть, я на тебя

и смотреть не желаю. Может, мне интереснее посмотреть праздничную передачу из Дальнего.

— Ну и смотри, — сказал Дэн. — Разве я мешаю? Сам вызвал.

— Обязан был вызвать. По курсу у тебя все чисто. Никто, кроме тебя, этот сектор на сегодня не заявлял. Да и кому придет на ум сегодня «гладить» Систему? Разве только противометеоритчикам из ПМЗ. Чисто у тебя, чисто. Ты что, собираешься таранить Юпитер? Если бы ты летел с такой скоростью в обратную сторону, я бы тебя еще понял. Твое начальство празднично развлекается, значит, а ты буднично барражируешь. Так, так...

— Мое начальство сидит со мной рядом и с некоторым интересом слушает, как ты его крошишь. Ладно, Эральдо, будь здоров!

— Да, пора тебе выходить на маневр. Дай мне голосом курс, я запишу.

— Экваториальный пояс, левый траверз — маневр по вращению, уровень Амаальтея, орбитальный ход с ускорением, барражирование в районе ЭЮ-объекта. — Дэн взглянул на приборы и добавил несколько цифр. — Сектор на обратный курс заявлено дополнительно. Конец.

— Принял. Ну, будь здоров, Дэн! Привет начальству. Конец.

Минуту Дэн сидел неподвижно, не заговаривая, и Леонид, стараясь ему не мешать, молча смотрел на Юпитер. В рубке было светло от Юпитера, свет был мягкий, зимний, точно утром от выпавшего ночью снега, едва уловимо нахло лимонами. Дэн сказал:

— Приготовься к маневру. Я отключаю систему ПИТ.

Леонид не ответил. Дэн отключил систему ПИТ. Поле искусственного тяготения быстро слабело. Леонид ощутил, как амортизаторы кресла облегченно вздохнули, вспучились, ремни слегка натянулись. В первый момент, когда наступила полная невесомость, ему сделалось очень не по себе. «Отвык, — подумал он, преодолевая головокружение. — Трехмесячный перерыв — и все необходимо начинать заново». Сердце стучало почти у самого горла.

Дэн включил двигатели, вывел их на режим глубокого торможения. У Леонида потемнело в глазах, и он почувствовал себя так, будто бы на него постепенно накачивается большой и гладкий валун. Перегрузка была просто чудовищной, Юпитер ушел с экрана, и все вокруг погрузилось в тяжелую лигуную красноватую мглу...

— Ну как? — спросили наушники голосом Дэна.

Леонид слабо пошевелился. Опять была невесомость.

— Ничего, — сказал он. — Отвык немного.

— Еще бы! — Дэн посмотрел на него, неудобно повернувшись в ремнях. — Я сам чуть сознания не лишился. Каково же тебе после

трехмесячного перерыва и всяких там дамских шуточек вроде альбастезии!..

— Ничего, — повторил Леонид. — Два-три таких маневра — и я опять буду в форме.

Дэн отстегнул плечевые ремни, перевесился через левый подлокотник и что-то там повозился. В рубке сильно запахло лимоном.

— Держи, — сказал Дэн, протягивая Леониду кружок лимона.

Леонид взял. От кислоты у него свело скулы, и он пришел в себя окончательно.

Двигателей не было слышно, катер шел по орбите инерционным ходом. Юпитер занимал нижнюю часть экрана — огромный океан цветных дымов, уходящих вперед к розному горизонту очень широкими полосами. Катер полз к горизонту вдоль жемчужно-серой полосы, пухлые края которой местами тонули в мрачных ущельях. Было видно, как в глубинах ущелий медленно и тяжело ворочались клубы нижних облачных массивов.

— Смотри, — сказал Дэн, — проходим над «Мастодонтом».

Леонид взглянул на экран локатора. Вдоль экрана быстро ползла ярко-зеленая точка.

— Экваториальный, — сказал Леонид. — Либо «Мастодонт»-два, либо «Мастодонт»-шесть.

— Двойка, — уверенно сказал Дэн. — Слышишь ее позывные. Значит, на той стороне услышим шестерку.

Горизонт Юпитера иззубрился облачными буграми и стал довольно быстро приближаться. «Линия терминатора», — отметил мысленно Леонид. За терминатором расплывалась чернильная тьма. Из океана тьмы выплыл к звездам маленький светлый шарик. Видимо, это была Каллисто.

— Ну вот... — проговорил Дэн, как только катер вошел в тень планеты. — Дальше пойдем на локаторе. Здесь он где-то голубчик. — Дэн имел в виду Рой.

Леонид разжевал горькую лимонную корку и судорожно проглотил. Он неотрывно смотрел на потемневший экран, усеянный крохотными зелеными искрами, и скоро увидел неправильные очертания Амальтеи. Драгоценным вкраплением в глыбы спутника-астероида ярко блистала зеленая капля — старая база ЭЮ-проекта.

Амальтея быстро ушла за верхний обрез экрана. Впереди появилось зеленое лятнышко.

— Торможение и маневр, — предупредил Дэн.

Катер тормозил и маневрировал, тонко ныли двигатели, но теперь перегрузки были слабее, и Леонид подумал, что это — просто ерунда по сравнению с перегрузками траверз-маневра.

Двигатели умолкли. На экране переднего обзора мерцали локаторные изображения трех очень странных на вид свободно парящих в пространстве объектов. Самый крупный из них — в центре экрана. Нечто похожее на ампулу песочных часов: широкие резервуары

сверху и внизу и осияная талия соединительного канала посередине... «Ампула» висела в пространстве наклонно, так, что ее ось почти совпадала с диагональю экрана, справа чуть пониже и слева чуть повыше висели «ампулы» гораздо меньших размеров, по обеим сторонам от этого trio ярко мерцали продолговатые черточки — три в левом верхнем углу экрана и три в правом нижнем. Трижды три-девять... Это было перспективное изображение Роя. Форма номер один...

— Ишь ты, как построился, голубчик!.. — сквозь зубы процедил Дэн. — Идем на сближение?

— Да. Пройдем сквозь серединную область Ютавра. Там, кажется, свободное пространство.

— Это только так кажется, — возразил Дэн. — Приглядись получше.

Леонид пригляделся. Дэн прав. Рой был опутан тончайшей сетью канальцев. От каждой «ампулы» тянулись длинные светящиеся усики, нити, спирально закрученные ленты.

— Все равно, — сказал Леонид. — Пройдем посередине инерционным ходом. Подумаешь, усики!..

Заныли двигатели, изображение Роя качнулось.

— Сейчас он нам покажет!.. — процедил сквозь зубы Дэн.

Леонид уловил встревоженное возбуждение пилота, и это возбуждение передалось ему.

— Сейчас он покажет нам усики! — сказал Дэн.

— Ерунда, — сказал Леонид.

— Сейчас он нам покажет свое дружелюбие! — не унимался Дэн.

— Да перестань, наконец! — сказал Леонид. — Съемочная аппаратура работает?

— Работает. Как не работать... Он нам сейчас поснамает!..

— Заткнись! — рассвирепел Леонид. — Не узнаю тебя сегодня!

— Скоро свою родную бабушку не узнаешь... — пробормотал Дэн. — Не хотел тебе говорить, но придется. Нужно, чтоб ты приготовился.

— Не понял. К чему приготовиться?

— Скоро поймешь. Видишь ли, после того, как мы с Маккоубером сбросили стержни в «огуречную» стаю, он приказал мне сделать посадку на Амальтею...

— Старая база? И чем вы там занимаетесь?

— Кто чем... Я, к примеру, отлично поспал. А Маккоубер целые сутки провел в куполе дистанционного наблюдения. Потом ему пришла в голову мысль сделать травление в стае, и мы подняли один из «Муфлонов». Вышел я на курс, включил локаторы и шарю в поисках стаи. Нет нигде стаи, как сквозь Юпитер провалилась! Я прямо вспотел весь и сказал Маккоуберу, что «камбала» куда-то пропала. Он странно так взглянул на меня и сказал,

чтобы я держал направление на группку из девяти зеленых зернышек, которых я поначалу и не заметил. Нет теперь, говорит, у нас никакой «камбалы», попробуем взять тралами один из этих стустков...

— Ну?..

— Ну, я выдвинул диполи тралов, включил силовое поле ловушек и прицелился в ближайший стусток. И тут началось...

— Что началось? — Леонид терял остатки терпения.

— Понимаешь ли... Как на корриде. Слово ты бык, и ты нападаешь, а у тебя перед носом машут красным плащом, и все твои намерения бесполезны. Я даже перепугался.

— Не понимаю.

— Ладно, скоро поймешь. Как только сблизимся с этим... Ютавром, так и поймешь... Ну, в общем, проверил я тралы. Ни одного стержня там не было. Маккоубер несколько раз гонял меня в Рой, но эти «песочные часы» быстро перегруппировались, и мы уже не могли подойти к ним вплотную. Маккоубер приказал возвращаться на Амальтею. Он все время ворчал. Ему, в общем-то, нравилось, что стустки держатся довольно сплоченной компанией, но не особенно нравилось то, что их девять. Ума, говорит, не приложу, почему их именно девять? Мне показалось, что он ожидал получить их в меньшем количестве.

— Он ожидал получить всего лишь один, — пояснил Леонид. — А получил целый прайд.

— Не понял, — сказал Дэн.

— Львы редко охотятся в одиночку. Обычно на время охоты несколько львиных семей объединяются в прайд.

— А... — сказал Дэн. — В самую точку. — Он выключил двигатели. — Сейчас увидим, что бывает с самонадеянными храбрецами, когда они появляются в центре львиного прайда...

Леонид не ответил. До него наконец дошло то, что было очевидным с самого начала. Ворчливая неуступчивость пилота, скафандровое одеяние, туманные намеки... Пилот относился к системе Ютавр с явным предубеждением, если не сказать — враждебностью. Нос катера был нацелен в середину Ютавра. Стустки были видны в плане, и теперь они располагались точно так же, как и на схеме Крамера. Форма номер один. С той лишь разницей, что на схеме не было этой сети тончайших каналов. Катер шел инерционным ходом прямо в сеть. Леонид попытался припомнить свой страх, который он испытал перед прайдом электрических львов на Чангаре, и не сумел. Он честно проверил свои ощущения. Страх не было. Было тревожное любопытство.

События развивались стремительно. Сеть дрогнула и разошлась, ее змеящиеся обрывки быстро уходили из центра экрана и втягивались в периферийное кольцо, которое сначала едва умещалось в экранном обзоре и слабо мерцало, а потом замерцало поярче, резко

расширилось и исчезло из поля зрения вообще. В наушниках появилось гулкое жужжание, словно гудел встревоженный пчелиный рой, и это было очень занятно. Однако Леонид не успел на этом сосредоточиться, потому что экран вдруг окрасился белым, точно плеснуло в него молоком, и белизна хлынула в рубку ярким потоком, наливаясь яркостью до опасных пределов для зрения, потом все окрасилось розовым и, стремительно накаляясь, пурпурным вихрем раздвинуло стены и вынеслось прочь, оставив перед глазами цветные круги. Леонид машинально захлопнул стекло гермошлема: в какой-то момент ему показалось, что он задыхается...

— Ну и как?.. — сдавленным голосом спросил Дэн. Он тяжело дышал. — Теперь ты понял? — Стекло его гермошлема было тоже опущено.

— Эффектно!.. — откликнулся Леонид. Он был ошарашен, но страха по-прежнему не испытывал. — Вот это да!..

Экран был темен и пуст. Лишь наверху, наискось пересекая верхний левый угол обзора, одиноко ползла зеленая зайчатая.

— Что это? — спросил Леонид.

«ЮП-Следопыт». Беспилотчик. Я попросил диспетчеров отвести их подальше. В такой свистопляске не долго и врезаться. Знал, что ты обязательно сунешься в Рой. Ну, как? Для первого знакомства неплохо? — голос Дэна повеселел.

— Где Рой? — любопытствовал Леонид.

Заработали двигатели, Дэн развернул катер, поманеврировал, и на экране появился Рой.

— Далековато... — сказал Леонид, поднимая стекло гермошлема.

— Так было и в прошлый полет, — сказал Дэн. — Проскочишь его, развернешься, а он уже еле виден.

— Давай обратно, — сказал Леонид.

Рой стремительно приближался. «Песочных часов» не было и в помине. Были кольца. Три из них почти соприкасались краями, образовав кольчатый треугольник, шесть других расположились вокруг центральной группы по углам правильного шестиугольника.

— Советуются, — сказал Дэн. — Изобретают новую каверзу...

— Боишься?

— Нет. Поначалу было, правда, не по себе. Теперь нет. А ты не боишься?

— Нет. Я испытываю к нему родственные чувства, — пошутил Леонид. — Как-никак, а в нем содержится триста стержней с записью работы моих мозговых извилин.

В центре экрана быстро росли три сомкнутые треугольником тороида. Мерцающая сеть каналов была теперь, как показало Леониду, гуще, чем в стадии «песочных часов».

— Постарайся уравнять орбитальные скорости, — сказал Леонид.

— Дрейф внутри Роя? Думаю, что это безнадежно.

— Постарайся, — повторил Леонид.

На этот раз белого не было. В рубку сразу ворвался пурпурный вихрь, просочился сквозь стены, исчез. Дэн мгновенно развернул катер обратно. Рой был едва ли не дальше, чем в прошлый разворот. Дэн выругался.

— Уму непостижимо! Ты что-нибудь понимаешь? Так мы его никогда не поймаем! Я говорил, что это бесполезно!

— Вот что... — сказал Леонид. Помолчал, размышляя. — Мы для него инородное тело, и он нас просто выплевывает, как ребенок сливовую косточку. Попробуем стать для него полноценной сливой. То есть, источником информации. Тогда, возможно, он выплюнет нас не сразу... Включай передатчик.

— Зачем? — с недоумением спросил Дэн, но передатчик включил.

— Чтоб поставлять ему информацию.

— Какую же информацию ты собираешься ему поставлять?

— Мы уже поставляем, — ответил Леонид, наблюдая, как индикатор на передатчике пульсирует в такт словам, — нашу с тобой болтовню. Правда, я не уверен, что он от нее в восторге, но в том, что это новая для него информация, я убежден.

Леонид смотрел на экран. Рой приближался. Теперь он принял форму трехлучевой звезды. Каждый луч состоял из трех вложенных друг в друга воронок, и все это просвечивало сквозь густую сетку замысловато переплетенных усов.

— Что же ты замолчал? — спросил Леонид. — Перед входом в Рой необходимо болтать беспрерывно.

— Может, что-нибудь ему споем? — предложил Дэн. — Они посмеялись. — Ничего из этого не выйдет. Он снова вас выплюнет, вот увидишь.

— Посмотрим.

— Тут и смотреть нечего. Выплюнет.

— Увидим.

— Неуловимый он, понимаешь?

— Да?

— Неуловимый прайд.

— Хорошо. Давай дальше... Нужно все время что-нибудь говорить.

— Мы уже входим в него...

— Самое главное не прекращать разговора. Особенно когда войдем.

— Когда войдем, полыхнет красным — и все. Вот видишь, уже начинается...

— Это пчелиное жужжание и прошлый раз было?

— С Маккоубером? Нет, тогда его не было. Смотри, какая воронка!..

— Да, вижу. Километров десять в диаметре.

— Двенадцать. Ну и махина!.. Смотри, мы идем прямо в растроб.

— Вижу, конечно. Остороженько притор-мози.

— Не стоит. Мы сближаемся очень медленно. Гляди-ка, что творится в воронке! Буд-

то водоворот! Слушай, Лео, а ведь сливы иногда глотают прямо с косточками...

— Страшно?

— Нет... Удивительное дело! Мы уже почти в воронке, а красное не появляется. Это, наверное, работают твои извилины, Лео.

— И твои тоже. Молодец. Продолжай говорить.

— Все, — сказал Дэн. — Уже розовеет.

— Да, — сказал Леонид. — Сейчас полыхнет... Жаль. А я уж подумал, что нам удалось...

Красный вихрь вошел и остался.

— Нет, — сказал Дэн. — К сожалению, не удалось. А задумано было прекрасно... Ну что ж, хоть прокатится вниз вдоль этой льдины. Отлично скользит. А на вид какая-то желтая и бугристая, все вокруг очень красное...

— Ничего, — сказал Леонид. — Главное, чтобы скользила.

— Правда, весело? Жаль, что здесь нет Бриггиты.

— Нет, это как раз хорошо. Могут быть перегрузки.

Дэн рассмеялся.

— Для Бриггиты что есть перегрузки, что нет. Ей все нипочем!

— Смотри, — сказал Леонид. — Льдина кончается.

— Да. А впереди море. Одна половина красная, другая оранжевая. Вдоль берега золотая кайма.

— Ты не на берег смотри. Видишь, какой пузырь выпирает из моря!

— Разве это пузырь! Это столб поднимается. Красный, раскаленный столб. Куда он прет! Да быстро как!..

— Верхушка рассыпается фейерверком. Дэн, это не столб. Это взрыв.

— В жизни не видел таких длинных взрывов!.. А море стало прозрачным. Видишь? Несколько террасовых этажей, и все обведены золотой каймой по внутреннему контуру.

— Раскаленная бездна... Вот еще одна льдина явилась. Не там, прямо над головой. Как материк... Желтый светящийся материк.

— Справа тоже идет материк. Только черный...

— Наверное, они сейчас столкнутся, Дэн. — Черный материк идет повыше, и они сойдутся, как ножницы.

— Да. И разрежут на две половины вон тот сияющий синий шар.

— Вряд ли... Это, видимо, плазменный шар. Что-нибудь вроде шаровой молнии, величиной с Амальтею... Вот видишь, взорвался!

— Странно как-то взорвался. Просто расплескался синими волнами. А волны, действительно, будто взрываются. Мельтешат синими судорогами... Посмотри-ка, Лео! Я видел, как под черным материком что-то блеснуло, и вот теперь сквозь него растет фиолетовый гриб. Шляпка черная и клубится...

— Это он кажется фиолетовым, потому

что сам он красный, но его окружает синяя оболочка. Видишь, она поднимается вверх и оплывает под шляпкой...

— Посмотри на меня, — Дэн рассмеялся. — Я такой же, как ты? Вот потеха!

— Чего веселого? Лицо — как апельсин и будто стеклянное... А ниже ты почти совсем прозрачный — просто красный стеклянный скелет!

— Ты выглядишь несколько не лучше. Вот потеха! И мысли у тебя вперед коленками, словно присел, и руки вперед... Выпрями ноги.

— Нет, не могу.

— И я не могу. Слово присел и не могу разогнуться...

— Руки у тебя очень длинные, Дэн. Они и так длинные, а когда кости — еще длиннее. Опустим их.

— У меня в руках что-то есть, Лео. Я могу это сжимать, но... когда я это сжимаю... мне тяжело... и трудней говорить...

— Мне тоже... гораздо трудней... И все вокруг расплывается... Ничего, Дэн, я потеряю. А ты нажимай. У тебя в руках управление катером...

Леонид почувствовал, что погружается в красную мглу. Глубже, глубже и глубже, и красное становится все темнее, а потом начинается черное, и дышать уже почти невозможно... Но это быстро проходит, и черное раскалывается до жаркой красноты, и снова туда погружаешься, но уже с другой стороны, и так погружаться значительно легче, хотя дышать по-прежнему трудно. Черное несколько раз возвращалось, но уже не такое широкое — просто большими тяжелыми гладкими валунами, и гладко накатывалось, сжимая дыхание...

Потом в ушах прорезался вой. Леонид с огромным трудом открыл тяжелые веки, и ему показалось, что в сером пространстве туманно светят огни. Надоедливый непрекращающийся вой заставил его прийти в себя окончательно. В рубке светились приборы. На экране переднего обзора судорожно вспыхивали отсветы зеленых зарниц, мельтешили зеленые искры. Катер трясло и подбрасывало, руки на подлокотниках ощущали вибрацию, надрывно и жутко выло в ушах, и к вою примешивался отдаленный гул...

В скафандре было до невозможности жарко. Леонид приподнял стекло, но тут же захлопнул, — воздух в рубке был удушающе жаркий, и с резким, неприятным запахом...

— Дэн! — позвал Леонид.

Ответа не было. Катер трясло и швыряло из стороны в сторону, голова Леонида тряслась в шлеме. Ему стало страшно. Тряска и вой.

Но больше его испугало молчание Дэна.

— Дэн!.. Ты меня слышишь?!

Ответа не было. Закованное в скафандр тело пилота покачивалось в кресле, руки лежали на подлокотниках. Что-то нужно было де-

лать... Что-то нужно было делать немедленно!..

На пульте прямо против левого подлокотника сияла красная кнопка. Последнее средство... Леонид отстегнул плечевые ремни, потянулся к пульту. До кнопки он дотронуться не успел. Дэн перехватил его руку, резко отшвырнул в сторону и снова вцепился в рукоять управления. Леонид почти без сил откинулся в трясащемся кресле.

— Застегни ремни! — прорычал Дэн.

Леонид застегнул. Катер трясло и швыряло, вой нарастал, гул, жара, перегрузки, вибрация, но с Дэном было все нормально, и Леонид ощутил огромное облегчение.

— Я ничего не понимаю, Дэн, — сказал он. — Где Рой? Что, наконец, происходит?

Ответа не было. Экран заливало полыхающие зарниц, мелькали искры. Казалось, в такой кутерьме ничего разглядеть невозможно, однако, едва под верхним обрезом экрана возникла зеленая мутная точка, Леонид сразу остановил на ней взгляд. Дэн странно крикнул, шевельнул рукояткой, и мутная точка, дрожа и покачиваясь, вышла на центр. Леонид услышал в наушниках шорох и звонкий щелчок. Дэн хрипло произнес:

— «Мастодонт»-шесть, «Мастодонт»-шесть! Я — «Тайфун»-двадцать пять. Вошел в атмосферу. Выйти не в состоянии. Принимайте меня в режиме экстренной посадки. Разогрев корпуса предельный. Примите меры предосторожности.

Леонид подался вперед и сжал подлокотники до хруста в пальцах. Точка в центре экрана расплывалась мутным продолговатым пятном. Сквозь завывание, шорох и треск был слышен чей-то далекий голос:

— Принимаем вас, принимаем... Понял вас хорошо. Принимаем. Держите пеленг. Удачной посадки!

Леонида грубо швырянуло назад и вдавило в сиденье. Перед глазами поплыли цветные круги... Когда он опомнился, катер билась тяжелая дрожь, и вдруг показалось, что накалившийся корпус не выдержал! Леонид снова вцепился в свои подлокотники и с замиранием сердца вслушался в грохот и вой с надеждой, что корпус все-таки выдержал. Раздался скрежет... Леонид зажмурил глаза, но его так встряхнуло, что лопнули плечевые ремни. Наступила неясная тишина... Тряски не было. Что-то лопнуло очень близко и оглушительно, металлически загрохотало и стихло, и Леонид, наконец, догадался, что это посадка и Дэн уже отстрелил боковой люк.

— Быстрее, быстрее! — хрипел Дэн и тащил его за руку. В рубке стоял зеленый туман.

Они протиснулись в люк, наткнулись на невидимые в тумане поручни. Дэн тащил его за руку дальше, и они скатились вниз по металлическим ступенькам трапа. Сквозь клубы тумана жарко светилось что-то багровое. Потом откуда-то со стороны ударили лучи про-

жекторов, зашевелились голубыми дымящимися столбами.

— Быстрее, быстрее!.. — хрипел Дэн, не выпуская руки Леонида. Они бежали под слепящий свет прожекторов.

Дэн быстро нашел отверстие кессона, ударом плеча втолкнул туда Леонида, впрыгнул сам, и отверстие с гулом закрылось.

Они стояли, тяжело дыша, Дэн все еще держал Леонида за руку. Леонид попробовал освободиться. Дэн его отпустил. Кессон был освещен, но сквозь плотный туман они почти ничего не видели. Где-то далеко провела сирена, и пол внезапно ушел из-под ног. Взмахнув руками, они повалились друг на друга. Леонид сел и ощутил через пол еще одну судорогу, но слабее.

— Вот и все!.. — произнес Дэн. Было слышно, как он облегченно вздохнул. Потом добавил уже с огорчением: — Хорошая была машина...

— Взорвалась? — спросил Леонид.

— Нет, — сказал Дэн. — Это было бы слишком... Просто вышвырнули ее отсюда. На всякий пожарный случай. — Он хлопнул Леонида по плечу и хрипло рассмеялся. — Счастливычки мы с тобой, Лео! Не нащупай мы вовремя «Мастодонт» — болтались бы в средних слоях атмосферы и ждали спасателей... Ну, поднимайся, кессон открывается.

Встречающих было много. Собрался едва ли не весь экипаж. Шумное оживление. Мешая друг другу, стацили с неожиданных гостей скафандры, отвели в душевую, прополоскали как следует, переодели. Вопросы, нескончаемый поток вопросов. «Как самочувствие?» «Никто не ранен?» Как вас угораздило провалиться в Юпитер?» «Вам повезло. Мы сегодня подняли станцию на двадцать километров выше». «Что нового в Дальнем?».

Леонид улучил момент и шепнул начальнику станции, что ему нужна связь. Его пригласили в салон видеопереговоров.

Замелькали фиолетовые зигзаги. Потом изображение стабилизировалось, и Леонид увидел Крамера.

— Привет, Улаф! — сказал Леонид. — Прости, что разбудил.

— Привет, привет!.. — Крамер потер ладонью небритый подбородок. — Ты откуда?

— Я с Дэном Фростом на «Мастодонте»-шесть.

— А... То-то, я смотрю, у меня экранчик дергается. Значит, в Рой тебя носило?

— Вот что, Улаф, слушай меня внимательно. Катер погиб, и мы здесь немного застряли. Во-первых, ты должен немедленно разослать Бриггиту и Надию и суметь их успокоить. Во-вторых, немедленно свяжись с диспетчером на Ио, дай ему знать о нас, чтобы он не успел удариться в панику и разстрелять нас всю Систему о пропаже «Тайфуна»-двадцать пять. И попроси его подогнать «ЮП-Следопытов» в район орбитального дрейфа нашего Роя.

— Тоже немедленно? — спросил Крамер.

— Немедленно и пренемерно.

— Понятно... — изображение дрогнуло и потянуло лицо Крамера вкось. — Значит, с Роем что-то происходит?..

— Мне отсюда не видно, — сказал Леонид. — Не перебивай меня, мне нужно успеть сказать основное. Разыщи там наших ребят и засади их за пульта дистанционного наблюдения. С Роя глаз не спускать!.. Теперь я кратко обрисую тебе ситуацию. Рой — сверхсистема, а Маккоубер — гений, намеренно создавший эту сверхсистему. Немедленно, Улаф! Маккоубер — гений Проекта. Я ошибался, думая, что он ушел, якобы удивившись, что погубил Проект собственными руками. Нет, Улаф! Он сбросил в Рой Ц-стержни и тем самым блестяще завершил первую стадию Проекта созданием сверхсистемы Ютавр. И ушел единственно потому, что как честный и дальновидный ученый не счел себя в праве оставаться во главе Проекта во второй его стадии. Он понимал, что со сверхсистемой ему не справиться, и абсолютно верно решил, что Ютавром должны заниматься компетентные в этой области специалисты. Ты спрашивал вчера, будут ли у нас идеи для продолжения Проекта. Так вот, основная идея — это не считать Маккоубера глупцом и продолжать реализацию Проекта по подсказанному им пути. А идеи конкретной реализации уже прорастают, Улаф. Например, у меня уже есть основание полагать, что девять ступков Ютавра — это метод его формирования на основе информации, воспринятой Роем из Большого Космоса. На основе БК-информации, Улаф! Ты знаешь, что такое альбаестезия? Для нас альбаестезия — это вполне вероятный способ получать от Ютавра всю информацию. Все, Улаф! И Ю-информацию, и БК-информацию, — уж и не знаю, что важнее... Ютавр — интересное созданище, Улаф. И очень ценное для человечества. И очень универсальное. От него мы должны получить в миллиарды раз больше всяческой информации о Вселенной, чем надеялись, когда начинали Проект. И не нужны нам теперь ни «Слоны», ни Муфлоны», ни «Физлеры». И систему «Магистр» нам придется по-новому переосмыслить... Понимаешь, Улаф?

Крамер молчал.

— Ты меня слышишь? — обеспокоился Леонид.

— Ты все сказал? — спросил Крамер.

— Да, Как будто...

Крамер взъерошил волосы и надвинулся на передатчик видеотектора:

— Теперь повтори мне все сначала и немного помедленней. К сожалению, я не гений. Я не Эйнштейн, не Маккоубер. Я рядовой математик, обыкновенный специалист по аналитическому моделированию сверхсистем...